

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Наталия Соломко

БЕЛАЯ
ЛОШАДЬ —
ГОРЕ НЕ МОЕ

Наталия Соломко

**Белая лошадь – горе
не мое (сборник)**

Издательство «Детская литература»

2014

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соломко Н. З.

Белая лошадь – горе не мое (сборник) / Н. З. Соломко —
Издательство «Детская литература», 2014

ISBN 978-5-08-005167-8

Если учитель влюблен в свою ученицу и к тому же так молод, что его самого порой принимают за школьника, неприятностей не оберешься... Вся надежда на старое детское заклинание: «Белая лошадь – горе не мое...» Кроме первой повести, давшей название книге, в сборник Н. Соломко вошли произведения, написанные в разные годы. Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005167-8

© Соломко Н. З., 2014
© Издательство «Детская
литература», 2014

Содержание

Белая лошадь – горе не мое	8
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Наталия Соломко

Белая лошадь – горе не мое

© Соломко Н. З., 1984–2014

© Стерлигова Е. И., иллюстрации, 1984, 2014

© Ремизова Е., иллюстрации на переплете, 2014

© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2014

* * *

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized Cyrillic letters, likely reading 'Н. З. Соломко'.

Белая лошадь – горе не мое

Владиславу Крапивину, первому учителю, другу детства

Нынче утром учитель географии лез в школу через окно в туалете. Хорошо, никто не видел. Положение было совершенно безвыходное: он опаздывал на урок, а в дверях школы стояла новенькая техничка и без сменной обуви никого не пускала.

– Здравствуйте, – кивнул ей Александр Арсеньевич, мчась мимо (надо ведь еще было успеть в учительскую за журналом), а она ухватила его за рукав и закричала:

– Куда без обуви?!

К счастью, все порядочные ученики (не говоря уже об учителях) в этот момент находились в классах, никто не слышал, как учитель географии пытался доказать, что он учитель...

– Ишь ты – «учитель»! – кричала техничка. – Видала я вас, таких учителей, перевидала! Вот сведу тебя, хулигана, к директору, он тебе покажет, как над старшими смеяться!.. Шпендрик!

Александр Арсеньевич действительно выглядел несолидно: маленький, легкий, узкоплечий, уши торчат, торчит хохол на затылке... Мальчик. Школяр. Ученик девятого класса – и это в лучшем случае! Сигареты, правда, продают, но на фильм «детям до шестнадцати» нечего и думать пройти без паспорта...

А тут еще из переулка выбежали Петухова Юлия из одиннадцатого «А» и Петухов Женя из шестого «Б», и Александр Арсеньевич позорно отступил. То есть просто убежал. Вовсе не

обязательно Петухову Жене знать, что классного руководителя принимают за мальчишку. А уж Петуховой Юле быть в курсе таких унижительных подробностей его жизни тем более ни к чему!

Александр Арсеньевич лез через окно в туалете и клял судьбу: это же надо уродиться таким, когда кругом акселерат на акселерате сидит и акселератом погоняет... Летом вот усы пробовал отрастить. Стало еще смешнее: мальчик с усами. И усы какие-то... Черт знает какие! Отец хохотал. А мама сказала, что ей нравится (и на отца посмотрела строго: не смей травмировать мальчика). В общем, ясно было: лучше усы эти сбрить и не смешить народ...

Александр Арсеньевич пугливо выглянул из туалета в коридор. Звонок уже прозвенел, в коридоре было пусто.

По лесенке он несся через две ступеньки. Завуч Лола Игнатьевна, поджидавшая опоздавших на площадке меж первым и вторым этажами, выговорила ему суровым басом:

– Скверно, уважаемый Александр Арсеньевич, скверно!

«Белая лошадь – горе не мое!» – пробормотал про себя Александр Арсеньевич магическое заклинание, с детства отводящее от него несчастья, большие и малые.

Его один замечательный человек научил: «Плохо тебе, а ты возьми и скажи быстренько (но так, чтоб никто не слышал): „Белая лошадь – горе не мое!“ – и все пройдет!» И прохо-

дило. Однако нынче заклинание не сработало: несчастья не кончились. То есть с уверенностью можно сказать, что они только начинались.

И не то чтобы это был рок, недремлющая злая судьба, когда живет человек тихо, никого не трогает, а несчастья на него валятся и валятся... В случае с Александром Арсеньевичем все было иначе: несчастья валились на других, а Александр Арсеньевич добросовестно под них подставлялся. А когда человек сам подставляется, его никакие заклинания не спасут.

Нынче утром несчастье свалилось на десятый «В». К Александру Арсеньевичу оно не имело ни малейшего отношения, ведь это не Александр Арсеньевич сбежал вчера с биологии, это десятый «В» сбежал и теперь пребывал в утрюмстве, чуя миг расплаты. Но Александр Арсеньевич и тут вмешался... Короче говоря, произошло следующее...

– Бессовестные! – с порога выкрикнула Бедная Лиза. Прекрасные серые глаза молоденькой классной руководительницы были зареваны, потому что за проделки учеников попадает сначала их наставникам. – Бессовестные! Бессовестные!

– Так, Елизавета Георгиевна... – загудел десятый «В».

– Молчите лучше, бессовестные! Слушать ничего не хочу! – Она жалобно взглянула на Александра Арсеньевича. – Саня, знаешь, что они творят?!

Но что они творят, сообщить не успела, потому что в дверь властно постучали. Это приехала сама Лола Игнатьевна.

– Извините, Александр Арсеньевич, – произнесла она, карающе оглядывая «бессовестный» десятый «В», – но у нас произошло ЧП, и я бы сказала попросту – неслыханное безобразие!

Лола Игнатьевна была заместителем директора по воспитательной работе, то есть как раз специалистом по «неслыханным безобразиям» и ЧП, специалистом крупным и виртуозным. Александр Арсеньевич понял, что урока у него не будет (Лола Игнатьевна занималась воспитанием, не жалея времени), вздохнул и отошел к окну.

– Итак, кто был организатором вчерашнего бесчинства? – сурово спросила Лола Игнатьевна.

Десятый «В», естественно, хранил гордое молчание. Только Боря Исаков пробормотал довольно внятно:

– Фуэнте Овехуна...

– Исаков, меня сейчас не интересует степень твоей образованности. О пьесе великого испанского драматурга Лопе де Вега мы с тобой побеседуем в другой раз. Ситуация, описанная там, не может иметь места в средней школе. Инициаторов придется назвать. Ну?

Но десятый «В» инициаторов не называл, молчал, и все тут.

– Бессовестные! Бессовестные! – с отчаянием сказала Бедная Лиза. – Натворили – и в кусты! Я бы с вами в разведку не пошла!

– Может, хватит оскорблять? – возмутились с задней парты.

– Семенов! Слушать правду, по-твоему, оскорбительно? – грозно удивилась Лола Игнатьевна.

Семенов стоял у парты, сунув руки в карманы, и дерзко молчал.

– Семенов, я с кем разговариваю? Быстро вынь руки из карманов!

Семенов вынул руки из карманов и снова надерзил:

– А может, я бы тоже с Елизаветой Георгиевной в разведку не пошел, ну и что?

– Семенов, я гляжу, ты разговорился.

– Сами спрашивали.

– Семенов, я не об этом спрашивала. Я спрашивала...

– Простите, Лола Игнатьевна, – вмешался Боря Исаков. – Но может быть, имеет смысл спросить у нас не о том, кто это сделал, а о том, почему мы это сделали?

Исаков Боря был страстным борцом за справедливость. Поэтому Бедная Лиза поспешно сказала:

– Боря, объяснишь, когда спросят!

Она знала, что если дать Боре заговорить, то это чрезвычайно все усложнит. Потому что Боре не скажешь: «А ну прекрати грубить и дай дневник!» – чем обычно и кончается в школе борьба за справедливость. Потому что Боря был интеллигентнейший, начитаннейший юноша. Он все знал. Он был не просто круглый отличник – он был вундеркинд, вежливо скучающий на уроках. Победитель всех мыслимых олимпиад, гордость школы – вот кто был Боря Исаков.

Ни один конфликт между учеником и учителем в десятом «В» не обходился без Боряного участия. Боря всегда был готов объяснить учителям, что они в данном случае не правы (что учителям, разумеется, не всегда нравилось). Но спорить с Борей было очень, ну просто невыносимо трудно: он имел скверную привычку ссылаться на авторитеты. «Вы полагаете? – спросит он, выслушав. – А вот Макаренко в этом вопросе с вами бы не согласился. Он по этому поводу говорил следующее...» (и можно не сомневаться, что Макаренко это действительно говорил), а то еще процитирует декларацию прав человека или устав средней школы. И бог с ней, с декларацией, но уж с уставом-то – хочешь не хочешь – приходится считаться! Поэтому побаивались Борю учителя. Но не Лола Игнатьевна, которая вообще никого и ничего не боялась.

– Хорошо, Исаков, – согласилась она. – Если ты настаиваешь, начнем с вопроса: почему вы устроили это безобразие? Я слушаю.

– Прежде всего не надо спешить с определениями, – сказал Боря. – Безобразия, на наш взгляд, не было. Вернее, было, но не с нашей стороны... – Тут Боря замолк, ожидая возражений.

По всему было видно, что Бедной Лизе возразить очень хочется: мол, а с чьей же это стороны они были, Боря, и уж не хочешь ли ты сказать нам... Но она не решилась, потому что вот ведь Лола Игнатьевна молчит, не возражает...

– Продолжай, Исаков, – величественно кивнула та, – я слушаю тебя с неослабевающим интересом.

– Безобразие было со стороны Ляли Эдуардовны...

– Боря, не заговаривайся! – не выдержала все-таки Бедная Лиза. По молодости она была склонна к мгновенным и бурным реакциям.

– Ляля Эдуардовна оскорбила класс. Она обозвала Соколова придурком...

– Не может быть! – ахнула Бедная Лиза.

– Что, вот так, ни с того ни с сего, взяла и обозвала? – деловито поинтересовалась Лола Игнатьевна, которая не обладала наивностью молодой учительницы и знала, что в жизни все может быть.

– То, что человек не приготовил домашнее задание, не дает никому права оскорблять его, – вежливо сказал Боря.

– А Соколов имел право приходить на урок, не подготовившись? А, Соколов?

– Ну, не имел... – вздохнул Соколов.

– Без «ну», Соколов.

– Ну, без «ну» не имел...

– Соколов, не паясничай!

– Ну, не буду...

Десятый «В» неуверенно засмеялся.

– Пороть вас надо, – улыбнулась и Лола Игнатьевна. – Ведь если бы сами вы были во всем безупречны, тогда другое дело. А то – рыльце в пушку, а они бьют себя кулаком в грудь: «Ах, нас оскорбили!» Не вынуждайте! Занимайтесь своим делом – учитесь, не так уж много

от вас требуется... В общем, так решим: завтра извинитесь перед Лялей Эдуардовной, и будем считать...

– Простите, – твердо сказал Боря, – но это не выход. Пусть Ляля Эдуардовна извинится перед Соколовым. Иначе мы не будем посещать ее уроки. Мы так решили и просим передать наше решение директору.

Стало очень тихо. Слышно было, как в соседнем классе стучат мелом по доске, торопливо пишут...

– Кто это – «мы»? – спросила Лола Игнатьевна раздраженно. – Не слишком ли много ты на себя берешь, Исаков? Выйди из класса и без родителей не появляйся.

Лола Игнатьевна подождала, когда за изгнанником закроется дверь, и повернулась к оставшимся: – Бунтовать будем?

Десятый «В» подавленно молчал.

– На что рассчитываете, Фуэнте Овехуна? Или никто в институт поступать не собирается? А? Или вы полагаете, что вас туда возьмут с плохими отметками? Так я вам их на выпускных экзаменах организую, не сомневайтесь.

– А чего вы сразу отметками запугиваете? – возмутился дерзкий Семенов. Он в институт не собирался и потому мог себе это позволить.

– Я не запугиваю, Семенов. Я объясняю. Вот закончите школу – и делайте что хотите. А пока вы ученики, будьте добры подчиняться и делать то, что вам велят!

Вот до этого самого момента Александр Арсеньевич вел себя правильно: сидел на подоконнике, хмурился и молчал. Хмурость его десятый «В» мог истолковать себе так: «Действительно, распоясались совершенно! Слова им не скажи. Ну, ничего, сейчас мы поглядим, как они мне отвечать будут».

А завуч так: «Интересно, почему подобные вопросы надо выяснять у меня на уроке?! И так кот часов наплакал, дай бог с программой справиться... Неужели нельзя было сделать это после занятий?»

Но Александр Арсеньевич, как выяснилось, хмурился по другой причине. А выяснилось это, когда он вдруг поднялся с подоконника и сказал:

– Лола Игнатьевна, а стоит ли так? Ведь класс, в сущности, прав.

Лола Игнатьевна окаменела. Бедная Лиза охнула и зажала рот ладошкой. Десятый «В», затаив дыхание, стоял у парт и глядел во все глаза...

– Знаете что, Александр Арсеньевич!.. Я устала от ваших диких выходов! И умываю руки. Вот выйдет в понедельник с больничного директор, пусть он с вами сам разбирается... – угрюмо сказала Лола Игнатьевна и вышла, непедagogично грохнув дверь.

– Санечка, Санечка, ну ты что?! – хлопнув длинными ресницами, испуганно прошептала Бедная Лиза и выскочила вслед за ней.

Десятый «В» молчал.

– Зря вы это, Сан Сенич, – сочувственно сказал Семенов. – Вставят вам теперь по полной программе...

Похоже, он выразил общее мнение: десятый «В» загудел, как трансформатор под напряжением, видимо собираясь устроить очередную сходку и взбунтоваться с новой силой, но, по счастью, прозвенел звонок.

На душе у молодого учителя было нехорошо, тревожно как-то, с директором у Александра Арсеньевича отношения были довольно натянутые, директор имел обыкновение отчитывать его, как мальчика, а учителю географии это, понятно, не нравилось. Он отчетливо представил себе грядущую в понедельник (по счастью, сегодня был только четверг) встречу с директором и, расстроившись, после уроков пошел бродить по городу.

В городе была осень. Уже темнело рано, и с сумраком становилось зябко. И листья падали всё чаще. Скоро, скоро опадут они совсем, и дворники вздохнут и примутся за работу... И

все-таки осень еще была похожа на лето: славная, теплая, зеленая, с птицами на ветках. Вот и потянуло Саню (а за пределами школы Александр Арсеньевич был не Александр Арсеньевич, а просто Саня; может быть, он и в пределах был Саня, но положение обязывало) в улочки и переулки, бродить, думать о непутевой своей жизни и несерьезной науке, преподаванию которой он себя посвятил...

Уроки в школе бывают серьезные и несерьезные, это все знают. Серьезные – это по которым задают домашнее задание письменно и все время проверяют. А когда домашнее задание задают устно и проверяют не всегда, то это несерьезные... Хорошо быть учителем по «серьезному» предмету – по алгебре, химии, физике!.. Сколько опасного и непостижимого таят в себе эти науки! Например, кроме параграфов в учебнике надо еще решать всякие ужасные задачи и уравнения. Тетради, конечно, собирают редко, но зато в любой момент могут вызвать к доске. Поэтому, чтобы избежать двойки, необходимо если не выполнить задание дома, то хотя бы списать на перемене. А это, сами понимаете, дисциплинирует характер и воспитывает ум в уважении к науке...

Куда там «несерьезным» предметам! Истории, например. Там главное – успеть заглянуть в учебник, что там у них происходило в стародавние времена... Так, отрубили королю голову! Правильно сделали, так ему и надо, не будет угнетать! А в каком году это случилось, кто-нибудь подскажет... Ну а уж с географией и вовсе все просто, чего там учить-то! Сели на поезд и поехали. Или на самолет. Это во-первых! А во-вторых, нужна нам эта география, честно говоря! Зачем ее учить, когда мы по телевизору и так все видали? Да и бывали везде, где можно. И в Турции, и на Кипре, и в Испании. А у кого родители покруче, те и до Парижа с Лондоном дотянулись. Ну и что? И при чем тут география? Все давным-давно открыто, описано, сфотографировано со спутников и занесено на карты... На кой нам-то это учить?

Уже темнело, когда Саня подошел к дому. На углу, как всегда, торчал скинхед Шамин – скверный ученик из одиннадцатого «А». Весь в черной коже со стальными заклепками, голова стрижена, как положено, налысо, в руках гитара, в зубах сигарета, на тротуаре у ног – початая бутылка пива.

– Заработались, – глумливо сказал лысый негодяй. – Поздненько возвращаетесь...

Саня не счел нужным ответить.

В подъезде, на подоконнике, были горой свалены пакеты с крупой и консервные банки, рядом сидели Санины ученики: Исупов Лешка, похожий на большого плюшевого медведя, и маленький Женька Петухов, прозванный Кукарекой.

– А мы вас ждем-ждем... – сообщил Кукарека с укоризной. – Уже все купили.

Исупов молчал и болтал ногами. Он молчал и хмурился с первого сентября, что было на него, известного шкоду и пересмешника, совсем не похоже.

– Пошли, – скомандовал Саня ученикам и достал ключ. – Только тихо, на цыпочках.

Но предосторожности были напрасны: дома уже ждали.

Скрестив руки на груди, стоял в коридоре суровый мужчина, и, хоть роста он был небольшого и вышел по-домашнему, в шлепанцах, вид имел величественный.

– Добрый вечер, папа, – сказал Саня.

– Здравствуйте, Арсений Александрович, – очень поспешно проговорили Лешка и Кукарека.

– Здравствуйте, Исупов и Петухов, – грозovým голосом отвечал Арсений Александрович. – Проходите... Александр, можно тебя на минуту?

Леша и Кукарека юркнули в комнату классного руководителя и там вздохнули облегченно. Арсения Александровича они боялись. И на то были причины...

– Сейчас опять ругать будут... – вздохнул Кукарека.

Он свалил продукты на письменный стол и оглядел комнату. Все тут было знакомое, родное: вполовину собранный, огромный оранжевый рюкзак в углу, рядом со сломанным кора-

бельным компасом, который, если постучать по нему как следует, почти точно показывает на север; стены, вместо обоев оклеенные картами с решительно прочерченными через материки и океаны маршрутами, а у двери, на гвоздике, старенькая штормовка, пахнувшая лесом и костром...

Меж тем в коридоре происходил бурный разговор. Говорили вполголоса, но слышно было хорошо. Особенно если прислушаться.

– Александр! У тебя три часа назад кончились занятия! Где ты был, Александр?!

– Гулял.

– Александр! У меня нет слов!

– Арсений, оставь мальчика в покое...

– Мама, тише, услышат. Я не мальчик!

– Нормально, – успокоился Кукарека. – Елена Николаевна дома, заступится.

Он снял башмаки, полез на диван, к карте Атлантики.

– Леш, в Бермудском треугольнике опять самолет пропал, говорят...

– Отстань...

Исупов Леша устроился на подоконнике, рядом с горой книг, тетрадей и атласов, и устал вился в небо. Там носились какие-то птицы – голуби, что ли? – отсюда было не разобрать, а Леша смотрел на них и думал: «Как им там, в небе? Хорошо? Не страшно?» Исупов Леша и сам летал во сне, но с некоторых пор сны эти кончались плохо: небо вдруг переставало держаться, земля стремительно и страшно мчалась в лицо, Исупов кричал и будил брата Виталию... А потом они лежали в темноте и слушали, о чем говорят папа и мама в соседней комнате.

– Леш, а говорят, это пришельцы из космоса их воруют...

– Отстань...

Кукарека отстал. Потому что наконец-то вернулся классный руководитель.

– Сильно попало? – с сочувствием спросил Кукарека.

– Сейчас чай пить будем, – сказал Саня и вздохнул.

Было ясно, что попало ему в самый раз, но распространяться на эту тему он не желает. Нужно было идти на кухню – ставить чайник. В настоящий момент это было делом большого гражданского мужества: на кухне шел очередной семейный совет.

Повестка дня обычная: непутевая жизнь Александра.

Присутствовали: Арсений Александрович – отец Александра, Елена Николаевна – мать Александра, дядя Вася и тетя Таня – близкие родственники, пришедшие в гости нарочно для того, чтобы наставить Александра на путь истинный.

Отсутствовал только сам Александр: гулял по городу. Гулял, вместо того чтобы готовиться к поступлению в аспирантуру. Гулял, вместо того чтобы прийти и выслушать, что думают о нем родители и родственники!..

Когда Саня вошел, воцарилась осуждающая тишина.

– И вот так ежедневно! – произнес Арсений Александрович, сына будто не замечая. – Реферат пылью оброс. После работы бродит. Читает черт знает что, только не то, что имеет отношение к его теме. Завтра пятница. Можете быть уверены – он с вечера уйдет в лес и вернется только в воскресенье к вечеру! Не знаю, как он мыслит свое поступление в аспирантуру! Не знаю, не знаю...

– Ну и ну! – Дядя Вася, щурясь, оглядел с головы до ног непутевого племянника. – Вырастили, что называется... Воспитывали, надеялись – а они в леса подались, а?! Что ты там делаешь, в лесу, оболтус?

Саня взял чайник, открыл кран. «Белая лошадь – горе не мое!» – сказал он несколько раз про себя. Он дал себе слово молчать. Потому что в последнее время все его разговоры с дядей Васей кончались ссорой. А мама потом переживала.

– Как же так, Санечка, – вздохнула тетя Таня, – ведь ты уже взрослый...

– Это точно – дурная голова ногам покою не дает! – решительно заявил дядя Вася. Он всегда говорил решительно. Будто гвозди заколачивал. – Двадцать два года мужику, а он дурью мается, по лесу бродит!

– Это моя работа! – не выдержал Саня.

А дядя Вася будто этого и ждал.

– «Ра-бо-та»! – грохнул он кулаком по столу. – Видали? Работа должна быть на работе, понял меня?

– Васька, прекрати! – рассердилась Елена Николаевна. – Не смей на него кулаком стучать!

– Заступайся, заступайся! – не прекратил дядя Вася. – Распустила недоросля!

– Я – недоросль?! – взвился Саня.

– Ты-ты!

– А вы!.. – сказал Саня и задохнулся от полноты чувств, потому что надо ведь еще было найти слова, чтоб полноту эту выразить, не расплескав. – Вы – унтер Пришибеев! Вас забором надо обнести! Вам надо не в школе работать, а овощебазой заведовать!

– Сопляк! – взревел дядя Вася.

– Александр! Немедленно извинись! – приказал отец.

Но Саня не извинился.

– Хватит мной командовать! – решительно ответил он. – Хватит решать за меня, как мне жить и что делать! Я уже вырос, вы не обратили внимания?..

Свет в комнате они не включали, сидели в сумраке и молчали. Гудение троллейбусов на улице, шелест облетающего тополя, звон гитары во дворе – осенний, прощальный вечер. А кто прощается? И с кем? Непонятно, непонятно... Лешка Исупов по-прежнему торчал на подоконнике (а птиц уже совсем не было видно в стемневшем небе), глядел в синюю темень за окном и молчал о чем-то, о чем-то грустил в этот вечер шумный, смешливый ученик шестого «Б» Исупов Алексей. А о чем, кто знает?

И Кукарека притих отчего-то, забыл, что ему надо задать классному руководителю несколько волнующих душу вопросов о Бермудском треугольнике и пришельцах из космоса. А в глубине квартиры было бу-бу-бу, бу-бу-бу... Это старшее поколение обсуждало Александра Арсеньевича. «Ругают они его... все время ругают...» – думал Кукарека и никак не мог понять, за что можно ругать такого замечательного человека.

В коридоре зазвонил телефон. Саня вздохнул и поднялся.

– Аллю, – сказал он.

В трубке молчали, и по молчанию этому Саня как-то сразу догадался, кто это.

– Санечка, если меня, то я сейчас! – крикнула с кухни Елена Николаевна.

– Да это меня, меня... – торопливо отозвался Саня, прикрыв трубку ладонью.

– Александра Арсеньевича можно? – наконец спросили там.

– Можно, – сказал Саня. – Это я.

– Здравствуйте... Это говорит Юля Петухова из одиннадцатого «А». Скажите, пожалуйста, а Женя у вас?

– У нас...

– А его мама потеряла...

– Он у нас... – зачем-то повторил Саня, после чего снова помолчали.

– А мама говорит, если он у вас, то пусть идет домой, а то он, наверно, вам надоел совсем уже...

– Нет, еще не совсем...

– А мама говорит, что уже поздно...

– Я провожу...

Молчание. Потом:

– А мама говорит, что это неловко...

– Почему?

– Потому! – отчаянным голосом сказала Петухова Юля. – Мама говорит, чтоб я сама за ним шла, чтоб вас не затруднять!

И тут, вместо того чтобы сказать Петуховой Юле, что его это вовсе не затруднит, Саня принялся подробно объяснять, как до него удобней добраться...

– Сейчас за тобой сестра придет, – сказал он Кукареке, поспешно записывая под стол рюкзак.

– У-у, зараза! – рассердился младший брат. – Нигде житья от нее нету.

– Мама тебя потеряла, при чем тут Юля?

– Ага, мама! Мама сегодня на дежурстве! Это Юлинская привередничает...

Леша спрыгнул с подоконника.

– Я пойду. Завтра – как всегда?

– Да, на вокзале, – кивнул Саня, лихорадочно оглядывая свою комнату: надо было успеть собраться.

И он почти успел, когда снова позвонила Петухова Юля и виноватым голосом сообщила, что она заблудилась: трамвая долго не было и она решила идти пешком, напрямик.

– Как вы шли, вспоминайте!

– От кинотеатра дворами...

– Какими? Приметы назовите!

– Ну... Там белье висело на веревке... Синяя такая рубашка. А в соседнем дворе в футбол играли. Один – Валера...

– Какой Валера?

– Малыш... В футбол играл, в шапке с помпоном. А его мама домой все звала...

– А еще?

– Еще – гаражи, а на них две кошки... За гаражами пустырь какой-то, а посередине телефонная будка стоит... Я из нее звоню...

– Ясно, – сказал Саня. – Сейчас мы за вами придем... – Собирайся, живо, – велел он Кукареке. – Юлю пойдем искать.

– Очень надо! – недовольно засопел тот. – Звали ее?

Они вышли в ясный осенний мрак. Во дворе, под тополем, печально звенели струны, там, под тополем, пели горестно и страстно:

Уходит капитан в далекий путь,
Целуя девушку из Нагасаки...

В толпе голосов сразу слышен был один – сильный, красивый – голос Шамина, Саниного неблагополучного ученика. Голос этот, легко и медленно летящий в темноте над двором, будто не замечал насадных, дурацких слов песни, он пел о чем-то другом – и слушать хотелось... Но все вдруг смолкло разом, смешалось – это Шамин заметил Саню, и над двором разнеслось:

Фраер ходит в галстучке зеленом,
Ждет тебя, тоскуя, у ворот,
Только он надеется напрасно,
Это ясно...

Это Сане посвящалось, сомневаться не приходилось. Скинхеды – ребята загадочные, терпеть не могут негров и учителей географии.

Они долго бродили в темноте по дворам, но в конце концов им повезло.

– А я тебе говорю – домой! – кричали из форточки.

– Еще рано! – упрямылся в темноте мальчишеский голос.

– Валера, ты слышал, что я тебе сказала?!

– Ну, мам!

– Нечего мамкать, домой!

– Ну мамочка!

– А уроки сделал?

– Сделал!

– Не ври!

– Ну мамусенька!

– Чтoб через десять минут был дома, – сдался взрослый голос.

– Через пятнадцать! – ответил невидимый во тьме Валера и умчался в глубину двора, где неистово лупили по мячу и вопили гневно:

– Толик, пас!

– Вон гаражи, – сказал Кукарека. – Только кошек уже нет... Что они, дуры, что ли, сидеть и ждать...

За гаражами действительно был пустырь, заросший высокой полынью, а в центре полынного пространства странно светилась новенькая телефонная будка, светилась не электричеством будто, а оттого, что внутри ее был огонек – Петухова Юля в алой ветровке. Петухова из одиннадцатого «А» была тихая, серьезная девочка, смуглая, темноглазая, совсем непохожая на своего белобрысого, конопатого брата.

– Замерзли? – почему-то сердито спросил Саня. Впрочем, он был сейчас не Саня, а Александр Арсеньевич.

Юля помотала головой.

– Ну, пойдемте. Я вас провожу...

Они пошли сквозь сухие, пыльные заросли полыни. Молчали. Кукарека унесся куда-то вперед. Александр Арсеньевич шел рядом с Юлей и понимал, что необходимо немедленно заговорить. Сказать что-нибудь такое... Взрослое, серьезное, что положено говорить учителю при встрече с ученицей. Например: «Н-да, вот скоро вы кончите школу... Этот год у вас решающий, Юля». Или: «Вы уже решили, Юля, куда будете поступать?» Но Александр Арсеньевич упорно молчал, и лицо у него было очень сердитое, будто он собирался поставить Петуховой единицу. Так дошли до дома и остановились у подъезда. Нужно было сказать: «До свидания» – и идти домой. Но Александр Арсеньевич стоял и продолжал молчать. И Петухова молчала тоже. А Кукарека носился где-то.

– Ну, я пошел... – произнес наконец Александр Арсеньевич.

– До свидания... – ответила Юля.

Постояли еще. Лицо Александра Арсеньевича приняло вдруг отчаянное выражение. Он сказал:

– Мы завтра в лес идем... Пойдете с нами?

– Пойду... – сказала Юля.

Назавтра было ветрено и хмуро. На переменах за Александром Арсеньевичем ходили и канючили:

– Ну, пойдем все равно, а?

Географический кружок всю неделю жил в ожидании пятницы, когда можно будет схватить рюкзаки – и прощай, мама, прощай, школа, прощайте, дома и улицы...

А Александр Арсеньевич и не думал отменять выход: в лесу было много дел. Надо было устраивать зимнюю стоянку, надо было расчистить исток речки Ути, основательно загаженный

за лето «дикими» туристами. Надо было готовиться к соревнованиям по ориентированию. Ну и просто – хотелось в лес...

Из электрички они вышли прямо в пасмурный, темный вечер. Звезд в ночи не было. Лес впереди стоял сгустком холодной, пугающей тьмы и молчал настороженно. Лес никого не ждал сегодня. Но через пустое, продутое ветром поле двигалась к нему цепочка путешественников. Впереди – Александр Арсеньевич, учитель географии, а за ним – ученики, упрямые, непослушные дети, которым в этот унылый вечер не сиделось дома, тянуло в леса...

Дались же им эти леса!.. Это пустое, неприветливое небо. Эти тучи. Эти звезды за тучами. Какое все это имеет отношение к географии?

География – это красиво! Дальние страны, лежащие где-то там, за горизонтом, за тридевять земель, «ревущие» сороковые широты, горы и водопады!.. А здесь что? Лес да поле с оврагом, дорога в выбоинах...

А Саня шел да шел по дороге, глубоко вдыхая ночной влажный ветер. Иногда приходилось зажигать фонарь. В резком желтом свете блестели рядом напряженные темные глаза Кукареки. Ночь окружала его страхами, он жался к учителю. От этих лесных страхов отвлекало Кукареку только то, что сразу за ним шел вундеркинд Боря и постоянно наступал ему на пятки.

Они сошли с дороги, вошли в лес. Сразу потянуло речной свежестью. Маленькая речка Утя чуть слышно бежала рядом с ними среди травы и деревьев, и Саня даже засмеялся тихонько – так ему вдруг стало легко и счастливо. Отчего? Кто его разберет... Вот шагают они все вместе по ночному лесу, и земля пружинит под ногами, а город, каменный, замкнутый со всех сторон своими стенами и крышами, остался где-то вдаль, и там уже ложатся спать... А в середине цепочки легко ступает по траве Петухова Юлия из одиннадцатого «А», и это почему-то неуволимо, непонятно меняет все в мире, делает его еще прекрасней, и хочется идти, идти, хочется, чтоб не кончалась тропа, и этот лес, и ночь эта...

А Исупов Леша шагал в самом конце цепочки, думал о своем и не замечал ни леса, ни осени... «Что же делать? – отчаянно думал Исупов. – Что мне делать?.. Виталья маленький, глупый, он не поможет, я один...»

Ночь была – никто не видел несчастное Лешино лицо, а утром оно стало уже обычным: он придумал.

Он бегал со всеми на тренировку, чистил речку, заготавливал дрова. Никто не знал, что с завтрашнего дня ученик шестого «Б» Исупов Леша начинает новую жизнь...

Два дня прошли быстро, как все хорошее. И как все хорошее, кончились они плохо: опоздали на электричку. Перед самым отходом дежурный Толик Адыев отправился мыть посуду и непостижимым для себя образом вместе с котелками и кружками ушел в соседний лес. Искали долго, а следующая электричка шла только через полтора часа... Дома всем попало. А больше всех, конечно, Сане.

Даже мама сказала ему:

– Ты меня в гроб вгоняешь!

А уж про Арсения Александровича и говорить нечего.

– Александр! Ты поднял на ноги всю школу! Мне оборвали телефон. Где ты? Где дети? Что случилось? И я не знал, что отвечать, Александр! Александр! Это возмутительно!

Кончилось тем, что Арсений Александрович проклял сына и его педагогическую деятельность.

Саня обиделся и ушел спать – ему с утра надо было на уроки, а кроме того, завтра ведь предстоял малоприятный разговор с директором школы, надо было копить силы...

– Что показывает барометр? – поинтересовался он, входя в родной шестой «Б».

– Штормит! – жизнерадостно отозвался шестой «Б».

– Дома вчера сильно попало?

– Нормально, – сообщил Толик Адыев.

– А мне брат за одеяло по ушам надавал, – весело доложил Васильев. – Я его на стоянке забыл!

Старший брат, худой, долговязый восьмиклассник, был Васильеву и за мамку, и за батьку. Мать год назад умерла, и с той поры отец заливал свое горе водкой.

– Скажи, что ничего с одеялом не случится, заберем через неделю. К уроку готовы?

– Сан Сенич, – сразу зашумел шестой «Б», – а куда сегодня поплывем?

– Тихо! Сегодня будем открывать Америку.

– Ур-ра!

– Тихо, я сказал! Сдвигайте парты к стене, Атлантический океан – на пол... Кто будет держать небо?

На этот вопрос шестой «Б» реагировал без восторга: быть «атлантом» никто не хотел, скучное это было занятие – держать над океаном карту звездного неба...

– Нет добровольцев? Назначаю по списку: Васильев, Козаченко, Кравченко, Пименов...

– Я в прошлый раз держал! – возмутился Васильев.

– Извини, забыл. Вовик Смирнов, значит, твоя очередь страдать. Быстренько.

«Атланты» нехотя побрели за картой.

– Девочки почему-то никогда не держат! – попенял один из них.

– Не почему-то, а потому, что они девочки, – объяснил Александр Арсеньевич. – А тяжелой работой должны заниматься мужчины.

Шестой «Б», толкаясь и споря, устраивался на полу, вокруг «океана».

– Выходим из Лиссабона, – сказал Александр Арсеньевич, оглядывая свою юную команду. – Дежурный штурман, где астролябия? Компасы спрячьте: их еще не изобрели... Экипаж, по местам!

– Стойте! – с отчаянием закричал штурман. – Они опять небо не так держат!

– Всем четверым сейчас двойки поставлю! – грозно пообещал Александр Арсеньевич. – Шутники!

«Атланты», ухмыляясь, развернули небо на сто восемьдесят градусов...

И сразу где-то совсем рядом тяжело и зовуще загремел прибор, загудел ветер. Капитан взбежал на мостик и отдал приказ поднять паруса. Команда бросилась на рей, парусина захлопала под ветром, засвистели снасти... Шестой «Б» ушел в океан. Туда, туда, вдаль, в синь, в ветер, где лежали среди зыбей еще не открытые материки...

Поэтому, когда на перемене вошел в класс маленький величественный человек, он увидел только нагроможденные друг на дружку парты, за ними, в пустом пространстве, четырех учеников, держащих над головой небесный свод, а откуда-то снизу, из-за парт, несло сосредоточенное сопение...

– Так... А остальные где изволят быть? – грозно спросил он.

– Да здесь мы, – донесся откуда-то снизу голос учителя географии.

– Александр Арсеньевич, отпустите учеников, уже давно был звонок на перемену, – сурово сказал Арсений Александрович, а это был именно он. – И после уроков зайдите ко мне...

– Хорошо, – отозвался Александр Арсеньевич без особой, надо сказать, радости.

Если кто-то решил, что Арсения Александровича вызвали в школу из-за плохого поведения Александра Арсеньевича, то это неверно. Тут придется кое-что разъяснить, чтоб не возникло путаницы.

Всем известно о существовании многочисленных трудовых династий. Есть у нас в стране потомственные хлеборобы, и потомственные сталевары есть. А Саня (Александр Арсеньевич то есть) был потомственным учителем...

Вообще-то в детстве он мечтал стать путешественником, но отец (учитель истории) и мама (учитель литературы и русского языка) считали эту Санину мечту совершенно несерьезной. Они считали, что сын должен пойти по их стопам.

Когда Саня закончил школу, его несерьезная мечта, естественно, пришла в столкновение с серьезной и выношенной мечтой родителей. Саня упрямылся и твердил, что в учителя не хочет. Родители тоже упрямылись. По этому поводу был созван семейный совет, который уместнее будет назвать просто педсоветом, ибо кроме отца и мамы на нем присутствовали: дядя Вася (учитель химии), тетя Таня (учитель младших классов) и Аристотель (так во все времена, из поколения в поколение, звали Матвея Ивановича ученики; Аристотель был старинным, еще со студенческой скамьи, другом отца и соратником).

Отец разъяснил Сане, что в наше время, когда на карте совсем не осталось белых пятен, быть путешественником просто глупо. Мама сообщила Сане, что труд учителя самый благородный (она и представить себе не могла, как это ее единственный ненаглядный сын, такой слабенький, такой домашний, будет бродить где-то там, от нее далеко, голодный, холодный, неухоженный!.. Заблудится, свалится в пропасть или дикие звери его задерут! Нет уж! Никаких этих ужасных путешествий! Сын должен быть дома, с мамой).

– На геодезический он пойдет! – со свойственной ему прямоотой сказал дядя Вася. – А в армию – так не хочешь?

– Василий! – грозно оборвала брата Елена Николаевна. – Перестань говорить глупости. У мальчика месяц назад было сотрясение мозга!

– Вот в армии ему его мозги и вправили бы! – тонко пошутил дядя Вася.

– А может, и правда не надо... – жалостливо сказала тетя Таня. – За что мальчику мучиться?..

Тетя Таня знала, что говорила: сама она мучилась в школе вот уже двадцать лет.

– Дети – они ведь такие... – со вздохом продолжала она. – Непослушные... А Санечка – мальчик тихий, домашний. Разве он справится?..

– Не хочу учителем! – с отчаянием повторял Саня.

Это был его первый в жизни спор с родителями: он действительно был мальчик тихий и послушный. Даже в сложный период переходного возраста не проявлял агрессивности и на авторитеты не посягал: ни тебе драк с ровесниками, ни битых стекол, ни поздних приходов домой... Чудо-мальчик, образцово-показательный ребенок, каких теперь и в кино не увидишь...

И тогда в разговор вмешался Аристотель. Он все сидел и молчал, сидел и молчал, а тут вдруг заговорил... То есть попросту устроил ужасный скандал: решительно поставил на место дядю Васю, отрекся от друга юности, а Елене Николаевне сказал гневно:

– А уж от тебя, Лена, я такого не ожидал!..

И ушел не прощаясь.

– Мотька, Мотька, ну подожди! – неся за ним по лесенке растерявший обычную величественность Арсений Александрович. – Ты с ума сошел, подожди, давай поговорим!..

– Я не могу тебе помешать искалечить сыну жизнь, Арсений, – загремел на лестнице Аристотель. – Но уж уволь меня от трогательных объяснений, почему ты хочешь это сделать! И поищи себе другого историка: я с тобой работать не желаю!

– Лена, собирайся, – велел Арсений Александрович, вернувшись из подъезда, – пойдем к этому дураку...

– Уж это точно, – хмыкнул дядя Вася, – дурак! Да не дурак – сумасшедший он! Как ты его терпишь, Сеня?

– Вася, – ответил Арсений Александрович близкому родственнику, – если ты не хочешь, чтоб я тебя спустил с лестницы, замолчи! Танюша, извини, мы ушли, ужинайте с Александром...

Так решилась Санина судьба: он поступил в горный.

Самое же странное во всей этой истории было то, что, закончив первый курс, Саня вдруг забрал документы и перешел в педагогический...

В заключение надо сказать, что год назад, с отличием закончив институт, Саня пришел работать в школу, где учился и где работали его отец и мама.

Отец, между прочим, работал директором...

Исупов Леша опоздал на первый урок, прогулял второй, а на пятом сидел и пел песни. Естественно, что с урока его выгнали и отправили к Лоле Игнатьевне. Естественно и то, что вместо того, чтобы пойти, как было велено, к директору, Александр Арсеньевич отправился к завучу – спасти своего ученика. Ему удалось смягчить Лолу Игнатьевну, и для Лешки все обошлось благополучно.

– Я надеюсь, Исупов, такого больше не повторится, – миролюбиво закончила она беседу. – Я надеюсь, что все это – нелепая случайность. Ты всегда был хорошим учеником, поэтому мы прощаем тебе этот срыв...

Исупов хмуро глядел в угол и молчал.

– Ты чего это творишь? – сердито спросил его Саня, когда вышли из кабинета.

Но тут на него испуганным ветром налетела секретарша Верочка и зашептала:

– Кошка скребет на свой хребет! Иди скорей, он ждет!

«Белая лошадь – горе не мое...» – пробормотал про себя учитель географии и пошел к разгневанному директору.

Скажем честно – Саня трусил...

Вчера опоздал на электричку... Позавчера поддержал бунт в десятом «В»... Ничего хорошего от разговора с отцом ждать не приходилось. Только и надежды было на магическое заклинание, с детства отводившее от Сани несчастья.

И помогло: в кабинете директора помимо сумрачного Арсения Александровича, присутствовал еще и Аристотель. Это было уже полегче.

– А-а! – радостно приветствовал он Саню. – Явился, герой!

Саня вошел в кабинет и стал у порога.

– Проходите, присаживайтесь, – официально предложил ему отец.

Саня прошел, присел.

– Я слушаю вас, Арсений Александрович, – не менее официально сказал он.

Директор школы грозно смотрел в окно, на воробья, который скакал по ветке. Воробей, заметив это, замер и с интересом уставился на директора. Взгляды их скрестились. Воробей не выдержал первым, чирикнул и перелетел на другое дерево. Директор перевел взгляд на сына.

– Я вас уволю, Александр Арсеньевич, – неприязненно пообещал он.

– А я на вас жалобу напишу, – склочно заметил сын. – На вас и на порядки, которые вы завели в руководимой вами школе...

– Павлик Морозов! – восхитился Аристотель. Разговор отца и сына доставлял ему большое удовольствие.

Директор печально покачал головой.

– Слушай, Александр, – задумчиво спросил он сына, – ты картину такую видел – «Иван Грозный и сын его Иван»?

– Видел, – хмуро согласился Саня. – И «Тараса Бульбу» я читал...

– Молодец, – кивнул Арсений Александрович. – Грамотный. А что такое «педагогическая этика», знаешь? Объясняли тебе в институте?

– Ну, допустим...

– Так какого ж ты черта?! – взорвался Арсений Александрович.

– Сеня и Саня, я в восторге от вашей лексики! – усмехнулся Аристотель. – Не молчите, миленькие. Продолжайте, продолжайте...

– Матвей, не устраивай балаган, я тебя не за этим позвал, – сердито сказал директор другу юности. – Александр, ты соображаешь, что творишь?

– Я-то соображаю! – запальчиво ответил Александр Арсеньевич. – А вот некоторые...

– *Некоторые* – ничего не соображают! – кивнул понятиливо Арсений Александрович. – Интересно, кто же эти *некоторые*?

– Мы, Сеня, – пояснил Аристотель, потягиваясь в кресле. – Разве ты не понял?

– Матвей Иванович, к вам это не относится.

– Благодарю, мой юный друг! – хмыкнул Аристотель. – Сеня, я тут, оказывается, ни при чем. Это ты ничего не соображаешь. – Он с любопытством взглянул на Саню. – Интересно жить на свете, Сеня!

– Полагаешь?

– Всего несколько лет назад твой сын был милейшим, тишайшим существом – и вот полюбуйте! Откуда что взялось!

Арсений Александрович горестно махнул рукой.

– Я проклял тот день, когда этот человек пришел работать ко мне в школу!

– Я к тебе не просился, – огрызнулся Саня. – Ты сам настоял.

– Если б я знал... Если б я мог предположить... Александр, ну что с тобой происходит?..

Этот роковой вопрос в последнее время мучил многих. В школе ведь все помнили Саню тихим, вежливым мальчиком, с которым все десять лет никто горя не знал. Да и когда он учился в институте, все было так славно, безоблачно. Кто бы предположил тогда, в какого бунтаря и мятежника превратится этот мечтательный, замкнутый юноша, все свободное время проводивший за книгами.

Несчастья начались ровно год назад, когда Саня наотрез отказался идти в аспирантуру. Семейный педсовет впервые оказался бессильным. С неизвестно откуда взявшейся (и потому пугающей) решительностью Саня заявил родителям, что теория ему изрядно надоела, пора заняться практикой.

«Я не для того учился, чтобы всю жизнь заниматься бумажками», – сказал он. На вопрос: а для чего? – ответить вразумительно он не сумел, но твердо стоял на том, что пойдет работать в школу, причем в сельскую.

Трудно описать, что тут было с Еленой Николаевной! Она плакала, твердила, что Саня ее совсем не любит, и обещала умереть... С превеликими трудностями удалось ей добиться от сына следующего: в аспирантуру он все-таки поступит (ну хоть через год, хоть заочно!) и ни в какое село не поедет – он отличник, он имеет право выбирать, и нельзя, нельзя ему: у него же было сотрясение мозга, он же находится под наблюдением врача!

...И оказался Саня в родной школе, под мудрым присмотром родителей. Знали бы родители, что из этого выйдет... Впрочем, в первой четверти на него нарадоваться не могли: такой милый, такой славный! И уроки у него интересные! И с детьми он ладит! До чего же прекрасный сын у Арсения Александровича! И вдруг на одном из педсоветов этот славный юноша ни с того ни с сего процитировал Гоголя Николая Васильевича, великого русского писателя: «Леность и непонятливость воспитанника обращаются в вину педагога и суть только вывески его собственного нерадения: он не умел, он не хотел овладеть вниманием своих юных слушателей...»

Педсовет озадаченно промолчал. Только у окна кто-то пробормотал с обидой, что пусть бы этот Гоголь пришел к нам в школу да поработал маленько – хоть литературу почитал бы восьмым классом, а там бы мы на него поглядели... Присутствующие бодро рассмеялись, давая тем самым понять, что не заметили бестактной выходки юного коллеги, – ох уж эта молодая

уверенность в том, что все умеешь и понимаешь лучше всех!.. Ничего, это пройдет, с кем не бывало.

Увы, дальше было хуже: молодой учитель перешел от слов к действиям.

Первым его деянием был скандал из-за пятиклассника Толика Адыева. «Это слабоумный ребенок, – сказала классная. – Надо хлопотать о переводе в спецшколу». Арсений Александрович поморщился и взглянул на Аристотеля. Аристотель стучал по столу карандашиком и медленно краснел. Он не умел говорить сразу, но никто из присутствующих не сомневался, что он все-таки заговорит. Однако Аристотель и рта не успел раскрыть, как вскочил Александр Арсеньевич. Чего греха таить – он нагрубил. Адыева ни в какую спецшколу, разумеется, не перевели, а с классной руководительницей была истерика, она плакала и кричала: «Пусть он его себе возьмет и попробует! На чужом-то горбу хорошо в рай!.. Если он директорский сын, так ему все позволено?!»

«Дурак! – обругал после педсовета Александра Арсеньевича отец. – Орать-то зачем так было? Спокойно нельзя?»

«Нельзя», – буркнул сын.

«Адыева в свой класс возьмешь?»

«Возьму».

Но и на этом подвиги Александра Арсеньевича не кончились. Причем раз от разу становились все ужаснее. В середине года ему пришлось в голову сцепиться с учителем труда, человеком простым и незатейливым, в качестве педагогического воздействия применявшим иногда легкое рукоприкладство. Александр Арсеньевич дважды разговаривал с ним, но трудовик продолжал воспитывать, как умел. Тогда произошло нечто совершенно недопустимое. Официальной огласки история эта, к счастью, не получила. Но неофициально весь педагогический коллектив знал, что учитель географии вызывал в коридор учителя труда и, вежливо поинтересовавшись, за что он ударил пятиклассника Васильева, в ответ на: «За дело, а тебе-то что?» – дал ему пощечину.

«Ты можешь ударить человека?! – с ужасом спрашивала потом Елена Николаевна. – Ты, учитель, интеллигентный человек!»

На что Александр Арсеньевич, по слухам, ответил:

«Если интеллигентный человек – это тот, кто спокойно смотрит, как унижают, то я неинтеллигентный...»

Именно в этот период Арсений Александрович понял, что лучше бы, ох лучше сын стал путешественником...

И только Аристотель глядел на Александра Арсеньевича влюбленно и твердил: «Оставьте его в покое! Он педагог от Бога!» – чем, надо сказать, только укреплял антирелигиозные настроения окружающих.

Надеялись, что за лето молодой учитель одумается, повзрослеет. Но вот и новый учебный год начинается как-то скверно: класс бунтует, а учитель географии его поддерживает. И ведь считает, что прав!

– Слушай, – сердито сказал Саня директору школы, – вы кого воспитать хотите?

– Мы! А вы, значит, тут ни при чем!

– Нет, скажи, ты когда-нибудь задумывался над этим?

– Нет! – с сарказмом отозвался Арсений Александрович. – Будь уверен, что за двадцать лет работы в школе я ни разу ни о чем подобном и не думал. Устраивает тебя такой ответ? Дальше что?

Саня вскочил.

– Нет, ты понимаешь, что это ужасно?.. Ну кого, кого мы воспитываем?! Учитель назвал ученика придурком, класс решил, что оскорблен не один, оскорблены все, и правильно решил!

А мы их ломаем, мы твердим: «Сами виноваты, извинитесь»! А за что? Почему? Гордость, чувство собственного достоинства ученикам не положены, так, да?

– Красиво говоришь, – покачал головой Арсений Александрович. – Да больно любите вы все о собственном-то достоинстве. Собственное у них есть, не волнуйся. А вот есть ли у них чувство чужого достоинства, интересно знать... Сдается мне, они про такое и не слыхали...

– Да откуда ж, если вы, взрослые...

– Стоп! – сказал Арсений Александрович. – А себя-то ты куда относишь, Александр?

– Никуда! – запальчиво ответил Саня. – Я – просто человек!

– Та-ак... – даже растерялся директор школы. – А мы, по-твоему, кто?

Саня вызывающе молчал.

– Слышь, Матвей, мы и не люди, оказывается... Мы – так... Взрослые... – Арсений Александрович грустно посмотрел на сына. – Погляжу я, Александр, что ты об этом лет через десять будешь говорить...

– Если я когда-нибудь почувствую, что мне хочется сказать ученику: «Придурок, выйди вон из класса!» – я сразу застрелюсь! – хмуро ответил сын.

– Ну-у! – удивился Аристотель. – Зачем же так сразу?... Лучше просто сменить работу...

– Может быть, да только никто не меняет.

– Послушай, Александр, а что, у учителя не бывает оснований выйти из себя? – рассердился Арсений Александрович. – Он ведь не железка – он живой, ему обидно бывает, больно...

Саня убежденно сказал:

– Основания бывают. Только права у него такого нет. Во всяком случае, если он действительно учитель. Он учить должен – работа у него такая. А из себя пусть выходит в свободное от работы время.

– Браво! – пробасил Аристотель.

– Матвей! – сморщился Арсений Александрович. – Уймись! Можно подумать, что он сказал что-то новое и оригинальное!

– Ну, миленький Сеня, все основательно забытое приходится открывать снова и с большими муками. А эта простая мысль забыта настолько основательно, что в ней действительно есть прелесть новизны... Пусть этот славный юноша продолжит!

– Интересно, в Царскосельском лицее, – продолжил Саня, – мог учитель позволить себе обратиться к ученику, к князю Горчакову, например, так: «Выйди из класса, бестолочь, и без родителей не появляйся»?

Арсений Александрович с интересом взглянул на сына.

– А ты демагог высокого класса! – похвалил он. – Но только эта твоя сногсшибательная, но, извини меня, совершенно дурацкая аналогия не убеждает.

– Почему это?

– А потому! Лицей был закрытым дворянским пансионом. Братьев царя, если помнишь, там планировалось обучать. Так что это было нетипичное учебное заведение...

– А если у нас не закрытый дворянский пансион и учим мы не братьев царя, а просто детей, то давайте будем хамить друг другу?! – закричал Саня. – Уважение, понимание, обыкновенная вежливость – это необходимо, когда воспитываешь братьев царя, значит? А нам – что? Нам не надо – у нас типичное учебное заведение!..

– Хорош, ох хорош сынок вырос! – хлопнул в ладоши Аристотель. – Ты смотри, Сенька!

– Матвей, не лей масло в огонь! Повторяю: у меня тут не Царскосельский лицей...

– Чем хвалишься, безумец!.. – вздохнул Аристотель.

– Ты мне лучше скажи, что теперь делать! Лола их почти утихомирила, а этот поборник справедливости, этот великий педагог вмешался и все испортил! Так что я совершенно официально поставлен в известность, что, пока перед Соколовым не извинятся, они посещать биологию не будут.

– Так, значит, надо извиниться, – пожал плечами Аристотель. – Сеня, каковы ж мы будем, ежели черное назовем белым? Нам верить не будут.

– Легко сказать – извиниться! Ты что, Лялю не знаешь?

– Знаю я Лялю! – осерчал вдруг Аристотель. – И знаю, что это с ней не в первый раз. Ты вот что... Не вмешивайся, я сам с ней поговорю. А то ведь самолюбие какое!

– Свое бережет! – сердито сказал Саня. – А других унижает.

– Ох, замолчи! – сморщился, как от зубной боли, Арсений Александрович. – Глаза бы мои на тебя...

На столе зазвонил телефон.

– ...не глядели, – договорил директор уже в трубку. – Нет, это я не вам, здравствуйте! Да, это я. Слушаю... – Судя по выражению лица, ничего приятного ему не говорили. – Знаете что, – вдруг сказал он, явно не желая больше это неприятное слушать, – я им занимаюсь. Но кроме него у меня еще три тысячи учеников! И не пытайтесь переложить свою работу на школу. Нет, именно ваша! А я говорю – ваша! Не волнуйтесь, я свои обязанности знаю, чего и вам желаю. Семнадцать. А я вам говорю – семнадцать у меня трудных подростков! Опомнились: Яцкевич и Анисимов весной школу закончили. Вот именно! Нет, уж пусть их теперь по месту жительства учитывают, до свидания.

– Поздравляю тебя! – повернулся Арсений Александрович к другу. – Вчера этот твой скинхед Шамин опять побывал в милиции. Учинил в парке драку. Сделал ты мне подарок, Матвей, спасибо! Ведь не хотел я его в одиннадцатый брать, а ты!.. Шпана лысая!..

– Он не шпана, Сеня, и не скинхед, – нахмурился Аристотель. – Он – талант, и мы еще гордиться будем, что он у нас учился!

– Ага, если не сядет, – язвительно отозвался директор. – Не школа, а черт знает что: панки, эмо, скинхеды и эти, как их?.. все в черном, по кладбищам бродят... готы! Да еще этот педагог-новатор на мою голову! – Директор хмуро глянул на сына. – Уйдите с глаз, Александр Арсеньевич, не злите меня!

Саня подчинился. И не без удовольствия. О чем еще говорить с этим ретроградом?

– Ты домой, надеюсь? – спросил в спину Арсений Александрович.

– Домой.

– «Мамину каторгу» захвати, если нетрудно. Я-то, верно, поздно вернусь...

«Маминой каторги», тетрадей по русскому и литературе, тоненьких – малышей, и толстых, старшекласников, накопилось много. Аристотель взялся помочь своему юному другу.

– Матвей, останешься на ужин! – решительно заявила Елена Николаевна. – А пока займись воспитанием Сашки...

Саня против этого ничего не имел и утащил Аристотеля к себе. Но не прошло и пятнадцати минут, как Елена Николаевна появилась на пороге, расстроенная, сердитая, и протянула Аристотелю оранжевую общую тетрадь.

– Полюбуйся!

Тетрадь принадлежала Шамину.

– Что опять? – насторожился Аристотель.

– А я тебе прочитаю... Я просила их написать, что они думают о гибели Пушкина... – И она прочитала: – «23 сентября. Самостоятельная работа. Дуэль и смерть Пушкина. Дуэль происходила у Черной речки на окраине Петербурга. Утром 27 января 1837 года. На месте дуэли прочистили дорожку на расстоянии 20 м. Секундантом Пушкина был Данзас. Дантес стрелял первым. Он попал А. С. Пушкину в живот. После дуэли Пушкина привезли домой и положили на диван. Александр Сергеевич Пушкин умер 29 января 1837 г.».

– Всё... – сказала Елена Николаевна и закрыла тетрадь. – Матвей, как же так?..

Аристотель молчал и мрачнел.

– Да ладно вам! – пожал плечами Саня. – Нашли из-за чего расстраиваться... Это же Шамин, чего от него ждать.

Сам Саня от Шамина не ждал ничего хорошего. Они недолюбливали друг друга – учитель и ученик. То есть, пока Саня не был учителем, отношения их складывались вполне доброжелательно: в детстве Шамин Юра был толстым беззащитным мальчиком. Во дворе его почему-то постоянно били. А Саня за него заступался. Ну, не то чтобы лез в драку – он никогда не дрался, – а просто разгонял малышню, кричал: «А ну отстаньте от него!» – и уводил к себе домой... Потом, когда Шамин принялся бегать из дома, Саня часто прятал его у себя (дома Шамина тоже били), подкармливал... И вдруг в одно лето Шамин вытянулся, раздался в плечах, и его вечно пьяный отец стал жаловаться во дворе: «На родителя, щенок, руку поднимает!» Саня тогда заканчивал институт, а Шамин – девятый класс, каждый был занят своим, но, встретившись во дворе, оба в ту пору еще улыбались друг другу: «Привет, Саня!» – «Привет, Юрик!..»

Отношения испортились в прошлом году. Испортились беспричинно, вдруг, когда Саня пришел вести географию в десятый «А». Поначалу Шамин не доставлял Сане хлопот, на уроках сидел тихо, слушал внимательно (чем немногие учителя могли похвалиться) и даже не отказывался отвечать, когда его спрашивали (что тоже, в общем, было редкостью). Но потом вдруг почувствовал Саня на себе его внимательный, наблюдающий взгляд. Пристально, недобро смотрел Шамин и даже предпринял попытку сорвать у Сани урок. Класс его не подержал: к новому учителю относились с симпатией.

Вечером они поговорили в подъезде. Разговор получился короткий и скверный.

«Юрик, ты чего?» – спросил Саня.

Шамин взглянул на него исподлобья, сплюнул и сказал: «А пошел ты!..» – и больше на уроках географии не появлялся. А во дворе пел вслед Сане песню про фраера, который ходит в галстучке зеленом... Обидно это было и непонятно.

«Ну и черт с тобой, дурак деревянный! – решил Саня. – Мне-то что?..»

– Дай-ка мне, Лена, эту тетрадочку, – сумрачно попросил Аристотель. – И другие дай почитать...

Вечер был испорчен: Аристотель сидел и читал работы своего одиннадцатого «А», молчал, мрачнел и в конце концов ушел, отказавшись ужинать.

Тихий ангел, что ли, пролетел над школой поутру – так спокойно, так чинно начались уроки...

Не было скандалов из-за сменной обуви. Не было свалки в раздевалке. Опоздавших почти не было. Даже старшекласники в то утро не дымили в туалетах, а дисциплинированно выходили курить на улицу, за угол...

В то утро Ляля Эдуардовна пришла в десятый «В», вздохнула и сказала:

– Соколов Паша, ты извини меня, пожалуйста...

Десятый «В» остолбенел, будто играл в «замри». Первым признаки жизни обнаружил маленький взъерошенный Соколов.

– Ой... – произнес он, внезапно съехав с юного баритона на фальцет. – Что вы... Да я... Это...

– Знаешь, так устаю к концу уроков, что уж и сама не знаю, что говорю... – виновато развела руками Ляля Эдуардовна.

– Да что вы!.. – испуганно закричал Соколов. – Да правильно вы про меня сказали! Да я выучу, Ляля Эдуардовна, честно!

– Это вы нас извините! – приходя в себя, загудел класс.

Только Боря Исаков сидел и молчал с отрешенным видом: в субботу и в понедельник он в школу не ходил. Родители были в командировке, а без них появляться в школе ему было не

велено. Он и не появлялся. Зато вчера вечером Исаков-старший нанес визит завучу, и нынче Исаков-младший на законных основаниях пришел на уроки. Но как-то непривычно молчал и сосредоточенно думал о чем-то...

Урок биологии в десятом «В» прошел в идеальной тишине, все слушали внимательно.

– Боже мой, – сказала потом в учительской Ляля Эдуардовна, – какие дети у нас славные... Умные, добрые...

– Какие? – переспросила старенькая химичка, не расслышав.

– Славные! – горячо повторила биологичка. – Замечательные дети!

– А-а, да... Добром это не кончится... – как-то не к месту отозвалась старушка.

– Ася Павловна, к чему такой пессимизм! – хохотнул физкультурник Дмитрий Иванович. – Все будет о'кей!..

В этот миг странно тенькнуло стекло в окне, прощально позванивая, обрушились на паркет осколки... Футбольный мяч, протаранивший стекло, красиво и мощно ударил по стойке для журналов, отлетел к столу, сшиб вазу с чудесными желтыми астрами и врезался в стену мокрым боком...

– Как вы, Дима, сказали? – переспросила Ася Павловна, за звоном стекла последних слов опять недослышав.

Тихий ангел в это мгновение, прощально махая крыльями, отлетел в небесную высь, и школьная жизнь вошла в свою привычную ухабистую колею... Например, буквально через десять минут выяснилось, что восьмой «Д» поголовно не готов к химии. Старенькая Ася Павловна, хоть и проработала в школе всю жизнь, привыкнуть к таким катаклизмам не сумела и ушла с урока в учительскую плакать... Она еще не успела вытереть слезы, как туда же прибежала, стуча каблучками и звонко рыдая, Бедная Лиза и крикнула:

– Ах, нет! Я этого не вынесу! Зачем я пошла в пединститут?!

– Лизавета, деточка, кто тебя? – забыв о своей обиде, бросилась к ней Ася Павловна.

– Котенко! – прорыдала Бедная Лиза.

На листе из тетради в клеточку десятиклассник Котенко Владимир застенчиво, но решительно объяснялся Елизавете Георгиевне в любви. И это был не первый случай. Солидные и мужественные ученики старших классов постоянно влюблялись в юную литераторшу и принимались срывать уроки физкультуры: физкультурник Дмитрий Иванович имел неосторожность обожаемую старшеклассниками женщину провожать домой...

– А реветь-то чего ж? – удивилась Ася Павловна. – Ты вот что... Скажи ему: раз любит, пусть бороду свою ужасную сбреет. Это где видано – ученик с бородой!..

На большой перемене пацаны из пятого «А» подрались с пацанами из пятого «Г». Драться пошли за школу, чтоб никто не мешал. Два разбитых носа, три подбитых глаза, ну, и еще всякое по мелочи... Были разогнаны боевой и бесстрашной техничкой тетей Аней с помощью тряпки. А когда директор школы задал им вопрос о причинах побоища, они лишь угрюмо молчали, и в глазах их не было раскаяния – совсем. Арсений Александрович знал, что настаивать в таких случаях глупо и бесполезно. К тому же были и другие способы узнать, в чем дело.

– Раненые – в медсанбат, остальные – на урок, живо! – распорядился он и отправился к Лоле Игнатьевне, которая совмещала в своем лице разведку и контрразведку и всегда все знала.

Выяснилось, что Диня Бахтерев из пятого «Г» влюблен в Алису Воробьеву из пятого «А». Притом не без взаимности... В общем, пацаны пятого «А» сочли себя обиженными и вчера после школы отлупили счастливого влюбленного. А сегодня «гашники» доходчиво объяснили им, что они не правы.

– Не волнуйтесь, Арсений Александрович, я сегодня же вызову родителей виновных, – заверила Лола Игнатьевна.

– Не надо, – сказал директор.

– Но почему? Ведь это же безобразие!

– Потому что мальчики так устроены, – сухо сообщил Арсений Александрович. – Они дерутся. Так уж им положено. – И ушел.

Потом была неприятность в шестом «Б»: Леша Исупов на уроке поджег расческу. Александр Арсеньевич ученика своего опять спас, но настроение у него испортилось: Леша ему надерзил и вообще смотрел на классного руководителя как на врага... Злыми, чужими глазами смотрел. Будто это не он, не Леша Исупов, всего несколько дней назад сидел у Сани дома, пил чай и болтал ногами...

Пятый «Д», куда пошел Александр Арсеньевич после неудачного разговора с Исуповым, сразу почуял его скверное состояние духа и торопливо зашелестел страницами учебников.

Александр Арсеньевич класс этот отчего-то недолюбливал, несмотря на то что пятый «Д» был отличный, дисциплинированный коллектив. Самый, между прочим, успевающий в школе. У пятого «Д» было только одно несчастье – второгодник Вахрушев, которого все звали попросту – Хрюшкиным. Классная руководительница пятого «Д» очень обижалась, что второгодника подсунули именно ей. Разве нет других пятых классов?

Сердился и сам пятый «Д»: все классы школы яростно соревновались (Арсений Александрович обещал, что победители в зимние каникулы поедут в Москву). Ах, как пятый «Д» хотел в Москву, а отвратительный второгодник Вахрушев, по прозвищу Хрюшкин, превращал эту желанную поездку в несбыточную мечту. Год только начался, а он уже умудрился получить семь двоек!

Конечно, с Вахрушевым боролись: и учсовет с ним толковал, и «буксир» к нему прикрепили, и родителей классная вызывала. Но всё напрасно, всё как об стенку горох... Родители в школу не являлись, от «буксира» Вахрушев бегал. А после того как мальчишки пятого «Д», движимые чувством справедливого негодования, отлупили его за школой и пригрозили, что еще и не так дадут, если будет тянуть доблестный пятый «Д» в отстающие, Вахрушев будто осатанел: теперь он не просто получал двойки – теперь он получал их с наслаждением! И никто ничего не мог с ним поделать. И Александр Арсеньевич не мог: Вахрушев смотрел на него исподлобья напряженными кошачьими глазами и все-все делал наоборот.

Сегодня, например, он даже не счел нужным подняться из-за парты, когда учитель вошел в класс.

«Ну я тебе!» – рассердился Саня, у которого настроение и без того было скверное. И хотя с детства Елена Николаевна наставляла сына, что никогда ничего не надо делать под горячую руку, Саня не сдержался...

– Садитесь, – кивнул он. – Вахрушев, к доске.

Второгодник нехотя вылез из-за парты и побрел между рядами. Он выслушал вопрос, взял указку и высокомерно взглянул на учителя...

– Ну? Я слушаю...

Вахрушев молчал.

Молчал и учитель географии. Молчал и все больше заводился. А Вахрушев и не замечал этого его опасного настроения.

– Говорить, что ли? – с ухмылкой спросил он.

– Говори.

Вахрушев ткнул указкой в Африку и сказал, что это Антарктида.

– Хрюшка, кончай придуливаться! – негодуя возроптали одноклассники в предчувствии новой двойки, а может, даже и единицы.

Но Вахрушев, конечно, не послушался и придуливаться продолжал: показал на Атлантический океан, заявив при этом, что Антарктиду омывает Аральское море...

– Правильно, – кивнул Александр Арсеньевич. – Молодец!

Неожиданная эта похвала Вахрушева озадачила: он сбился и замолчал.

– А дальше? – заинтересованно спросил Александр Арсеньевич. Внутри у него все кипело.

– Да не знаю я... – буркнул Вахрушев. – Вы мне лучше сразу «пару» ставьте.

– Доскребешься, Хрюкодав! – с угрозой пробормотали в среднем ряду.

– Дай дневник, – велел Александр Арсеньевич и с мстительным удовольствием поставил второгоднику «пять».

– Чего это?.. – заморгал Вахрушев редкими рыжими ресницами.

– А ничего! – отвечал Александр Арсеньевич грозно. – Я тоже вредничать умею, запомни! – И на глазах у замершего от изумления пятого «Д» занес несправедливую пятерку в журнал.

- Санечка, к телефону, – позвала Елена Николаевна.
- Это вы?.. – неуверенно спросили в трубке.
- Это я... – подтвердил Саня, и они, как всегда, принялись молчать...
- Наконец Юля отважилась и спросила:
- Простите, пожалуйста, а вы не знаете, откуда эта строчка: «Паситесь, мирные народы»?
- Саня знал, ведь мама ему с детства прививала любовь к русской литературе.
- А что там дальше? – как-то напряженно поинтересовалась Юля.
- А вам зачем?
- Очень надо.
- Саня сбегал за огромным старинным томом Пушкина.

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

– Спасибо! – трагическим голосом поблагодарила его Юля. И, помолчав, добавила: – Мы так и знали!.. Он опять нас оскорбил!

Кто эти «мы», которых опять оскорбил «он», сомневаться не приходилось. Оскорблен был конечно же одиннадцатый «А». А оскорбитель был Матвей Иванович, Аристотель, – кто же еще!.. Все другие учителя предпочитали с одиннадцатым «А» не ссориться – себе дороже. Одиннадцатый «А» был дружен, своеволен и злопамятен. Давным-давно, когда одиннадцатый «А» был еще пятым «А», кто-то из учителей пожаловался на педсовете: «Это не дети, а сплошные древние греки какие-то! Работать с ними невозможно!»

Жалоба не лишена была оснований. Классным руководителем в пятом «А» был Аристотель, историк, влюбленный в Древнюю Грецию. О ней он мог говорить часами (и, без сомнения, это делал), а пятый «А» конечно же слушал развесив уши... Последствиями этого сверхпрограммного изучения античной истории были многочисленные и разнообразные хулиганские действия Аристотелевых учеников.

Как-то само собой произошло, что пятый «А» разделился. На первом ряду собрались поклонники Спарты. На втором – приверженцы афинской демократии. А на третьем утвердились скифы. Хитрые персы отсиживались на «Камчатке». Ряды воевали. Греко-персидские войны переходили в Первую Пелопоннесскую войну, которая, естественно, приводила ко Второй. Военные действия успешно развивались на переменах, захватывая порой и часть уроков. Главное сражение чаще всего происходило после занятий, в раздевалке. В результате Дария и Перикла влекли к директору, а второстепенные исторические лица отделялись замечанием в дневнике.

Время от времени племена и народы объединялись для восстания против Аристотеля, тирана и деспота. Аристотель был могуч, Аристотель был несокрушим! Разгневавшись и разгромив Афинский морской союз, он твердой рукой наводил порядок на Пелопоннесе, а хитрые персы сдавались добровольно, лицемерно утверждая, что они больше так не будут...

Пятый и шестой класс прошли в непрестанных войнах и бунтах. В седьмом ряды смешались: юная цивилизация выросла, набиралась опыта, менялись ее представления о мире и о себе, рушились верные мужские дружбы до гроба, начиналось что-то непонятное... Дарий неизвестно за что поставил синяк Киру и пересел к Андромахе. Сократ забросил философию, отставил в сторону чашу с цикуттой и стал носить портфель Оли Ивановой из седьмого «В». Унылый маленький и вечно всеми обижаемый толстячок, которого дразнили Гекатомбой, вдруг вытянулся, научился играть на гитаре и превратился в грозного и опасного скинхеда, грозу окрестностей. Его теперь боялись. Драться он любил и умел.

После девятого ряды поредели: хитрые персы ушли в ПТУ, Дарий поступил в суворовское, Кир – в художественное. Однако воинственный дух остался: одиннадцатый «А» решительно боролся за свои права и терпеть не мог, чтоб его поучали. Педагогический коллектив с этим смирился. Только Аристотель не желал по достоинству оценить своих воспитанников – говорил им колкости и делал всякие неуместные замечания... В общем, совершенно не считался с тем, что они уже взрослые, и продолжал угнетать.

– Мы сегодня сразу поняли, что он нам что-то очень унижительное сказал, – нажаловалась Сане Юля. – Даже поняли, что это из Пушкина, искали-искали... Но никто не нашел – мы по первым строчкам искали... Но это ему так не пройдет!

– Да что случилось-то? – с интересом спросил Саня.

Юля помолчала, размышляя – сказать или нет.

– А вам правда интересно?

Сане было правда интересно. И тогда Юля с горечью поведала ему об очередной возмутительной и оскорбительной выходке Аристотеля...

«Варвары! – заявил он им. – Бездарности!»

Они молчали, не понимая, в чем дело.

«Серые, жалкие люди! – продолжал оскорблять Аристотель и при этом потрясал перед носом недоумевающего одиннадцатого «А» какой-то оранжевой общей тетрадкой... – Для вас, для вас он писал! Верил, что услышите. Для тебя, Шамин!..»

«Очень надо, – хмуро отозвался Шамин, который сразу понял, из-за чего весь этот сыр-бор пылает. – Про меня этот Пушкин знать не знал, и я его зубрить не желаю. „Я помню чудное мгновенье...“ Подумаешь! А я не помню. Нудно же это, сознавайтесь! Кто сейчас так чувствует? Все изменилось, жизнь совсем другая – какой еще „гений чистой красоты“, кому это нужно? Сейчас люди совсем другие, им смешно это! А мы наизусть должны учить да еще делать вид, что балдеем! Да в гробу я видел это чудное мгновенье в белых тапочках!»

Тут одноклассники на Шамина зашикали. Отчасти из-за того, что не все придерживались столь крайних взглядов, отчасти из-за Аристотеля, который слушал все это молча, но как-то настораживающе молча...

«То, что ты во дворе поешь под гитару, полагаю, более выражает чувства современников?» – багрово краснея, поинтересовался Аристотель.

Одиннадцатый «А» знал, что когда классный руководитель краснеет вот этак, признак это очень дурной и сейчас он скажет что-нибудь ужасное. Знал это и Шамин, но упрямо ответил:

«А что – нет? Не так красиво, зато правда, как в жизни».

Аристотель долго и пристально смотрел на Шамина, будто видел его в последний раз и хотел – запомнить, а Шамин в ответ независимо ухмылялся.

«Смейся-смейся, – пробормотал Аристотель с сердцем. – Придет твое время – поплачешь, помяни мое слово, современник...»

«Вы мне что, угрожаете?» – осведомился Шамин.

«Нужен ты мне... – махнул рукой Аристотель. – Идите. Не желаю с вами разговаривать, классный час окончен...» – И добавил непонятное: «Паситесь, мирные народы...»

Одиннадцатый «А» был удивлен, что на сей раз отделался так легко и, выбравшись из-за парт, пошел «пасть», унося в душе смутное мучительное подозрение, что что-то ужасное все-таки было сказано, а они не заметили...

Теперь-то все стало ясно: он, значит, вот как о них думает! Он, значит, думает, что наследство одиннадцатого «А» «из рода в роды – ярмо с гремушками да бич...» Значит, шесть лет они жили вместе, любили его, верили в него, а он... Он, оказывается, считает, что потерял он «только время, благие мысли и труды...»

– Юля, но ведь Шамин... – хотел заступиться за Аристотеля Саня, но Юля сразу рассердилась:

– Да при чем тут Юрка? Не в нем дело совсем! Я знаю, он вам не нравится, а он хороший! А ваш Аристотель, между прочим, самый настоящий предатель!..

Шамин в это время в окружении ровесников стоял на углу. Пел:

Натопи ты мне баньку по-белому,
Я от белого света отвык...

Ровесники подпевали трагическими голосами. Сане хорошо было слышно.

Саня уже спал, когда позвонила мать Исакова Бори. Трубку поднял Арсений Александрович, который еще не спал, но уже собирался.

– Алло, – сказал он, а потом сразу закричал: – Что? Когда?! Александр, проснись! Исаков пропал!..

Саня проснулся и, еще не понимая, кто пропал, куда пропал и зачем, шлепая босыми ногами, побрел к телефону. Выяснилось следующее: Исаков-младший, по всей видимости, пропал еще вчера вечером, но вчера вечером этого никто не заметил. Заметили нынче утром, когда пришли его будить. А его – нет...

– Я подумала – у вас сбор какой-нибудь утренний, вот он и ушел потихоньку. Днем из театра отец звонил в школу, выяснял, там ли он...

– Он был на занятиях, – подтвердил Саня.

– А дома не был... – сказала мама и заплакала. – Первый час уже, а его все нет и нет... Где он?..

– Успокойтесь, – попросил Саня, хотя ему и самому стало беспокойно. – Вспомните, может быть, был у вас какой-нибудь конфликт?

– Не было никаких конфликтов... Встретились так хорошо... Мы ведь только вчера с гастролей вернулись... Время школьное, а Боря дома. Отец спрашивает: «Ты отчего не в школе?» А Боря сказал, что ему без родителей в школу велели не приходить, он, мол, и не ходит, нас ждет. Вечером сходили они с отцом в школу...

– Вы его наказали? – сердито спросил Саня.

– Мы его вообще никогда не наказываем! – всхлипнув, отозвалась Борова мама. – Он сам все понимает... Где его искать теперь? Я уже все больницы обзвонила...

– Одноклассникам звонили?

– Да нет его нигде...

– Я сейчас позвоню ребятам из географического кружка, – сказал Саня, – может, они что-нибудь знают. А потом сразу – вам...

– Ну?! – хмуро глянул Александр Арсеньевич на Арсения Александровича. – Вот твоя педагогика! Вот твоя Лола! Ведь все решено было, а она родителям наговорила бог знает чего! Зачем это было делать, можешь ты мне объяснить?

– Перестань сверкать на меня глазами! – возмутился Арсений Александрович. – Я впервые об этом слышу!

– Хорош директор, – сказал сын. – Не знает, что у него в школе делается!

– Вот станешь сам директором, я на тебя посмотрю! – ответил отец. – Ты за неделю всю работу развалишь!

– Да?

– Да!

Было уже половина первого, и Саня сказал:

– С родителями будешь ты разговаривать.

Он набирал телефоны, а директор школы извинялся за поздний звонок, представлялся во всем грозном величии своей должности и просил разбудить ученика... Но никто из разбуженных о Боре ничего не знал.

– Этого только не хватало, – нервничал Арсений Александрович.

Саня позвонил Исаковым и, не сообщая печальных результатов поиска, велел:

– Посмотрите, рюкзак его на месте?

Рюкзака на месте не было.

– Так! – забегал по комнате Арсений Александрович. – Удрал, негодяй! Дожили! Александр, скажи, чтоб немедленно звонили в милицию.

– Не надо куда звонить... – вздохнул Саня и пошел одеваться.

– Сашенька, ты куда? – тревожно спросила Елена Николаевна.

– За Исаковым, – отозвался Саня. – Только, мам, не волнуйся, мы утром вернемся...

– Да куда же так поздно?... – начала было Елена Николаевна, но замолчала: с тех пор как ее послушный сын стал учителем, спорить с ним было бесполезно, он все равно все делал по-своему.

– Шарфик хоть надень... – только попросила Елена Николаевна.

Он успел на последнюю электричку и через час уже шагал по лесу. Ночной лес стоял тихо, в нем пахло травой и листьями, прекрасно было в лесу, вольно и спокойно. Но где-то тут, в прекрасном этом лесу, сидел со своей обидой Борька Исаков (а что он тут, Саня почему-то не сомневался, некуда ему больше деваться). Все-таки странно устроена жизнь. Почему люди не понимают друг друга? Раньше Саня этого не замечал. Или нет: замечал, но у него была белая лошадь, спасительница от бед. Это Аристотель его научил заклинанию из деревенского своего детства: «Белая лошадь – горе не мое! Уходи, горе, за сине море, за темный лес, за светлый огонь, меня не тронь!» Саня маленький был, поверил. Понятно, конечно, что все это ерунда. Но выручало. Долго выручало (главное, зажмуриться покрепче), да вдруг перестало...

Год назад это случилось, когда пришел Саня работать в школу, и вдруг показалось ему, что большинство его коллег живут зажмурившись и все, что вокруг, – не их горе... А чье?.. Шел Саня с уроков и увидел за школой плачущего Адыева Толика, скверного ученика.

«Ты чего, Адыев?»

«Ничего, – сказал Адыев, размазывая грязной рукой слезы. – Не ваше дело!» – И снова завыл.

Саня на грубость рассердился и закричал на Адыева:

«Ты почему со мной так разговариваешь? И почему это не мое дело?!»

«Потому что меня в умственно отсталую школу переводят...»

Он и объяснить-то больше ничего не мог, только стоял да выл тихо. Он уже давно стоял тут и выл, и на громко у него сил не было...

«Не справляется мальчик с программой, – вздохнув, объяснила Сане Лола Игнатьевна. – Да это и понятно, вы знаете, какая у него семья? Глухонемые оба... Трудно ему у нас учиться...»

Вот как, оказывается, в жизни бывает, а Саня, домашнее, любимое чадо, вечный отличник, и знать ничего не знал о таком... Саня попытался представить себе жизнь Адыева дома, в тишине и молчании, и что-то темное, безнадежное шевельнулось вдруг в душе, он испугался этого впервые пришедшего чувства – чужого горя, которое, оказывается, чужое только условно, только пока ты хочешь считать его чужим... «Уходи, горе, за сине море, за темный лес, за светлый огонь, меня не тронь!..»

И началась вдруг у учителя географии новая жизнь, как-то сама собой началась... И чем дальше, тем все больше жил Саня поперек детского спасительного своего заклинания – грустная белая лошадь все время брела рядом с ним, цокая копытами... Куда же ее девать?.. Не получалось у Сани гнать ее, только привычка осталась бормотать заклинание.

Вдали, за деревьями, чуть засветило – это был костер, и Боря Исаков, длинный, нескладный, одетый вовсе не для выхода в лес, сидел у огня, обхватив руками колени.

– Добрый вечер, – сказал Саня, бесшумно выходя из темноты, и сел рядом. – А спишь где?

– Здесь, у костра... Тут одеяло кто-то забыл...

– Не мерзнешь?

– В землянке еще холоднее. Вчера там лег, но не вытерпел... – Боря поёжился. – Я тут продукты маленько подъял... А вы им сказали, где я?

– Я сказал, что утром мы вернемся...

Исаков искоса взглянул на Саню.

– А если я не вернусь? – поинтересовался он вежливо. – Тогда что? Силой повезете?

Саня засмеялся.

– Мне с тобой силой не справиться! Да и ни к чему – силой.

Боря сидел пригорюнившись, смотрел в огонь.

– Я вам тогда сейчас все расскажу... Только вы не перебивайте, вы до конца выслушайте.

– Хорошо, – кивнул Саня.

– Дело в том, что я не могу вернуться... – почти шепотом произнес Боря. – Потому что... В общем, мой отец совсем не тот человек, за которого я его принимал...

Исаков надолго замолчал. Саня молчал тоже – не перебивал.

– Он сказал, что хватит донкихотствовать...

«Хватит донкихотствовать! – сказал Исаков-старший Исакову-младшему. – На рожон лезут глупцы и психи. А умные и сильные имеют выдержку. Они молчат и делают свое дело. Ты понимаешь меня, Борис? Они живут без болтовни, без криков о справедливости. И без высоких слов. Высокие слова – это для публики, запомни».

Они шли по вечеряющей улице. Шли из школы, где Лола Игнатьевна коротко и отчетливо проинформировала Якова Львовича о том, что сын его склонен к дерзости и высокомерию и оказывает на одноклассников дурное влияние, а это, несмотря на блестящие способности сына, кончится плохо.

«Я не буду вам говорить, что я об этом думаю, – сказала Лола Игнатьевна, я просто в деталях расскажу несколько его выходок, и вы сами поймете, что мальчик ваш – на опасном пути».

Яков Львович внимательно выслушал все, что ему рассказали, поблагодарил, печально качая красиво седеющей головой, и теперь они гуляли по улицам – высокий, статный мужчина и длинный, на голову выше отца, юноша...

«Зачем тебе это нужно?» – с неодобрением спросил Исаков-старший.

«Но ведь ты сам всегда говорил, что человек должен быть порядочным...»

«Во-первых, до определенного предела, – нахмурился Исаков-старший, – за которым порядочность больше похожа на глупость...»

«Ты мне раньше этого не говорил...» – удивленно перебил Исаков-младший.

«Раньше ты был ребенком, и из-за этих твоих дурацких разговоров у тебя не было неприятностей. Не было именно в силу того, что ты – ребенок и никто к твоим словам всерьез не относился. А теперь ты вырос, и это надо учитывать».

«Значит, говорить то, что хочешь, можно только тогда, когда к твоим словам всерьез не относятся?»

«Не иронизируй, – поморщился Исаков-старший. – Дело серьезное. Честно говоря, я давно уже не одобряю твое пристрастие к ораторской деятельности. К чему это? Что это может изменить? Чего ты хочешь?»

«Справедливости!»

Исаков-старший хмыкнул.

«Ты ведь неглупый человек, Боря. Пора бы уже понять, что жизнь штука сложная, и движут ею вовсе не законы добра и справедливости. Есть законы посерьезней...»

«Ты мне раньше этого не говорил...» – упрямо повторил Исаков-младший уже с отчаянием.

Ему хотелось, чтобы отец и теперь не говорил ему этого, потому что ему стало вдруг тоскливо и неудобно: изменилось все как-то вокруг... Дома, что ли, скособочились на родной улице или небо стало ниже в мире, где, оказывается, не в добре и справедливости было дело... И это отец ему говорил, самый главный человек, самый умный, все на свете знающий и понимающий...

«Как ты можешь? – растерянно сказал Исаков-младший. – Что ты говоришь?! Ты – человек искусства!.. Ты что, меня разыгрываешь?»

Ах, как славно было бы, если бы отец вдруг рассмеялся и сказал: «Конечно! А ты что, поверил?»

«Искусство! – усмехнулся Исаков-старший. – Ты книжек начитался, Боря. Искусство – это искусство, а жизнь – это жизнь, их ни в коем случае не надо путать, ты что, еще не понял?»

«Но ты же всегда...»

«Оставь! – сморщился, как от зубной боли, Исаков-старший. – Да, говорил! Потому что всему свое время. Моральные законы надо усвоить, чтобы потом уметь грамотно через них перешагивать. Я надеялся, что с возрастом ты сам поймешь, что к чему... А ты еще не дорос, оказывается! Поверь, мне больно разбивать твои иллюзии, но нельзя всю жизнь оставаться ребенком. Донкихотство твое нелепо и опасно. И слава богу, что у вас в школе такой умный завуч! Тебе через год поступать. Или ты думаешь, что в институте подобная борьба за справедливость сойдет тебе с рук? Или ты хочешь стать неудачником?»

«Плевал я!» – крикнул Исаков-младший.

«Это что-то новенькое... – насторожился Исаков-старший. – Ты, кажется, собирался стать кинорежиссером. Что, передумал?»

«А для этого обязательно сначала стать подлецом?» – запальчиво спросил Исаков-младший.

Ему хотелось, чтоб отец обиделся, опомнился, закричал, что не надо гипербол, он совсем не то имел в виду...

«Если тебя интересует мое мнение, – сухо сказал Исаков-старший, – то лучше быть подлецом, чем неудачником. Запомни: подлец – понятие относительное, а неудачник – всегда неудачник...»

«А ты?...» – с отчаянием спросил Исаков-младший, начиная кого-то ненавидеть. – Ты... удачлив?»

Исаков-старший остановился посреди улицы, будто на стену наткнулся, и взглянул сыну в лицо.

«Да, – медленно сказал он, – я удачлив. – И от моих удач тебе тоже кое-что перепадает... Ты не замечал?»

Исакову-младшему в мгновение стало жарко. «Вот он какой, вот, значит, как... – с отчаянием думал он, слушая про дорогие шмотки, поездку в Америку, каникулы за границей, крутой ноутбук и не менее крутой айфон; немалые карманные деньги, которые он просил и ему давали, тоже были упомянуты. – Он, значит, все подсчитывал...»

«Всё! Хватит! – перебил Боря. – Больше мне от тебя ничего не надо!»

«На два тона ниже, – посоветовал Исаков-старший, – соседям совсем не обязательно вникать в суть наших разногласий...»

Они уже входили в подъезд.

«Романтик! Давай-давай, попробуй пожить в соответствии со своими высокими идеалами! Кончишь школу, поступишь в какой-нибудь трапезный институт! Или сразу – в ПТУ! Это даже сейчас можно, давай! В армию сходи, кстати! Поживи, как все, идеалист паршивый!»

«И поживу!»

«Поживи-поживи! Я думал, ты умнее!»

«Значит, ошибался, – огрызнулся Исаков-младший».

«Бывает, – зло кивнул Исаков-старший. – Только надолго ли тебя хватит?»

«Не волнуйся, – не глядя на отца, пробормотал Боря. – Меня на всю жизнь хватит!»

Вот что произошло вчера вечером...

– В ПТУ я вчера был... – хмуро сказал Боря. – Там набор уже кончен... А домой все равно не вернусь...

– Знаешь что, – отозвался Саня, – а ты живи у нас...

Сразу после первого урока к Александру Арсеньевичу подошла англичанка, преподававшая в его классе. Он улыбнулся ей как можно обаятельней, потому что догадался: жаловаться будет. Англичанка от улыбки, однако, не смягчилась и посмотрела на Александра Арсеньевича так, будто подозревала, что он заодно со своими учениками.

– Ваш класс совершенно распоясался!

Саня уже постиг, что в таких случаях лучше не перебивать, а внимательно слушать все, что скажут, и при этом выражать на лице полнейшее согласие и даже некоторое возмущение своими учениками. Этому его научил Аристотель, хотя сам данной тактики не придерживался и за учеников своих заступался.

– Урок невозможно вести! – жаловалась англичанка. – Мяукают, гавкают! Не класс, а зверинец. Исупов как с цепи сорвался, это же отпетый хулиган какой-то! Вы разберитесь, этого так оставлять нельзя!

Александр Арсеньевич выразил на лице своем все, что положено, и пошел разбираться.

Родной шестой «Б», вместо того чтобы носиться по коридору, толпился в классе.

– Доброе утро! – сурово сказал Александр Арсеньевич нарушителям. – Кто мяукал?

– Вот он... – Вова Васильев с готовностью вытащил из парты худого рыжего котенка.

Рыжий взглянул на учителя желтыми глазами и в подтверждение Вовиных слов горестно мяукнул.

– Я его у школы нашел...

– Миленький, правда? – зашумели девочки, потянувшись к рыжему. – Сан Сенич, глядите, какой хорошенький!

– Ну не хапайтесь, не хапайтесь! – загородил рыжего Адыев. – И так всего затискали!

– Он есть хочет! – жалостливо сказала толстая и добрая Курбатова.

– Вот и отдай ему свою колбасу!

– Я уже отдала, а он все равно хочет... Он на уроке всего два раза и мяукнул-то, а она сразу раскричалась!

– Не сразу, – уточнил Адыев. – В первый раз она только спросила, кто хулиганит. А Вовка говорит: «Я».

– А что мне было делать?

– Она Вовку выгнала, а он снова мяукнул! Ну, котенок, а не Вовка, Вовка уже за дверью был... Тут и началось...

– Ясно!.. – вздохнул Александр Арсеньевич. – А гавкал кто?

– Я! – уныло отозвался Исупов Леша.

– Зачем?

– Просто так! – ответил Лешка, стараясь, чтоб вышло грубо.

– Просто так делает один дурак! – наставительно объяснил ему Александр Арсеньевич. – Позавчера ты пел на уроке, вчера жег расческу, сегодня гавкал... Может быть, уже хватит?

Исупов Леша глубоко задумался.

– Нет, еще не хватит... – тоскливо отозвался он наконец.

После этого ответа Саня на Лешку обиделся с новой силой и решил больше с ним не разговаривать. И вообще не обращать внимания.

– Что с кошаком делать будете? – спросил он, не обращая больше на Исупова Лешу внимания. – Или все уроки мяукать намерены?

– Можно, я его домой отнесу?.. Мама сиамского хочет завести, да достать не может, я ее уговорю, что не надо сиамского, сиамские – они дураки такие...

– Сам дурак! – обиделся за сиамских кто-то из девочек.

– Они злющие! – пояснил Вова. – Я злых не люблю. Лучше мы этого заведем... Ну можно, Сан Сенеч?..

– Иди. Но чтоб одна нога здесь, другая там...

Васильева Вову с котом словно ветром сдуло.

У Бедной Лизы разболелся зуб, и потому сочинение на волнующую тему «Кем я хочу стать?» в пятом «Д» пришлось проводить Александру Арсеньевичу: у него как раз «окно» было.

Александр Арсеньевич сидел на подоконнике и думал, что скоро зима, а пятый «Д» прилежно делился планами на будущее, время от времени незаконно справляясь у него, как пишется то или иное слово. Только у второгодника Вахрушева планов на будущее не было.

– Ты почему не пишешь, Вахрушев? – строго спросил Александр Арсеньевич.

– Да он никогда не пишет! – зашумел пятый «Д», отрываясь от работы. – Все равно пару получит, зачем ему!..

– Да о чем ему писать-то? – ехидно крикнул кто-то. – Он же дворником будет!..

Вахрушев в разговор о своем будущем не вмешивался. Сидел и молчал, как всегда.

– Между прочим, – нахмурившись, сказал Александр Арсеньевич, – многие великие люди учились в школе плохо.

Будущие топ-менеджеры, художники, депутаты, бизнесмены и артистки захохотали. У них было здоровое чувство юмора: второгодник Хрюшкин – великий человек! Разве не смешно?

Саня оглядел хохочущий пятый «Д» и очень рассердился.

– Не отвлекайтесь, – велел он, пошел и сел рядом с Вахрушевым. Тот обитал один на последней парте, у окна.

– Не обращай на них внимания, – сказал он шепотом. – Пиши! Назло пиши...

Вахрушев смотрел в сторону, молчал.

– Слышишь? Пиши, чтоб самому интересно было... Пиши что хочется!

– Как это? – сквозь зубы спросил Вахрушев.

– А так! Есть же у тебя самое главное, тайное желание...

Вахрушев пожал плечами, ответил угрюмо:

– Про то писать нельзя.

– Почему?

– Не положено.

– Ерунда! – сказал Саня. – На то и сочинение, чтоб писать не то, что положено, а то, что хочется. Ты представь, что было бы, если б все писали то, что положено!.. Со скуки умереть можно было бы! И книг хороших не было бы, если бы писатели писали, что положено...

– Я не писатель...

– Это еще неизвестно. Кто тебя знает – кто ты... Пиши!

На первой парте решительно подняли руку.

– А это только Вахрушеву можно писать что хочется? – с обидой спросила голубоглазая маленькая девочка. – Или всем остальным тоже?

– Всем! – сказал Александр Арсеньевич решительно.

Глаза у Сани слипались – ведь ночью он почти не спал. Но пришел из школы Арсений Александрович, озабоченно взглянул на сонно ужинающего Боря и увлек сына в ванную.

У Арсения Александровича только что был Исаков-старший. Директор успокоил его: все в порядке, Боря жив-здоров, но дома жить не хочет... Исакова-старшего, надо сказать, это успокоило не очень.

– Что ты, как педагог, в этой ситуации должен и обязан был сделать?! – возмущенным шепотом выговаривал в ванной Сане отец.

Саня присел на ребро ванны и сонно спросил:

– Что?

– Снять конфликт, объяснить мальчику, что он не прав!

– А если он прав?

– Даже если он прав, ты, ради мира в семье, должен был...

– Зачем?! – вскочил Саня. Сон его прошел, он готов был спорить.

А директор школы спорить не хотел: чего уж теперь спорить, после драки кулаками махать... Он только посмотрел на сына долгим отчаявшимся взглядом.

Отчаяние его проистекало из того, что сын-учитель не понимает самых простых истин:

первое: есть дети и есть взрослые. Взрослые – это взрослые. А дети – это всего лишь дети, неужели непонятно?

второе: дети ни за что не отвечают и живут себе припеваючи. Взрослые отвечают за все. И за детей, между прочим, тоже!

третье: поэтому, даже если взрослые и бывают не правы в отдельных (редких) случаях, то они все равно правы. Потому что они взрослые, они – хозяева мира!

четвертое: а дети пока только растут и ничего в мире не понимают. Что они знают о жизни? Да ничего они не знают, кроме того, что написано в учебниках. Да и то, что написано в учебниках, будем откровенны, они знают не то чтобы очень! А туда же – в судьи: то им не так, это им не так, умникам! Судить-то легко, а попробовали бы сами...

– Попробуют, не волнуйся! – пообещал Саня директору школы.

Нет, сын был решительно неисправим. Арсений Александрович вздохнул и отправился спать. Он ведь тоже провел нынче бессонную ночь.

– Жареный петух тебя еще не клевал в это самое место... – с грустью пробормотал он. – Вот будет у тебя самого сын, я погляжу, что ты тогда скажешь.

На следующий день Саня впервые в жизни поссорился с Аристотелем.

– Бросьте вы! – покачал головой историк, посвященный в суть Бориной истории. – Он сын своего отца. Только он этого еще не понял.

– Неправда! – горячо возразил Саня. – Вы не понимаете!..

– Кабы... – вздохнул Аристотель.

– Ну почему, почему вы так говорите?! Борька – замечательный человек, он всегда за всех...

– Это у него от хорошей жизни, – махнул рукой историк. – Сытый, ухоженный, беды не нюхавший...

– Ну да! – взъелся Саня. – Жареный петух его не клевал, да? Это мы уже слышали!

Аристотель прищурился, внимательно посмотрел на Саню.

– Нехорошо, конечно, но хочешь пари?

– Какое?

– Я утверждаю, что гордому, мятежному юноше Исакову двух недель вполне хватит, чтоб осознать свою ошибку и вернуться в лоно родной семьи...

– Матвей! – укоризненно вмешался Арсений Александрович.

– Спорим! – яростно согласился Саня. – Кто проиграл – уходит из школы заведовать овощебазой!

– Ну уж нет! – усмехнулся Аристотель. – Это – уволь...

– Боитесь? – торжествовал Саня.

– Тебя, дурака, жалко... – вздохнул Аристотель.

И Саня вдруг подумал, что Матвей Иванович стал старым, а ведь раньше все понимал... Печально стало Сане.

– Сегодня тридцатое сентября, запоминайте, Матвей Иванович, – сказал он.

И опять пришла долгожданная суббота. В полночь небо над лесом вызвездило. Ясное, большое, оно стояло над головой...

– Сан Сенич... – позвал в тишине Толик Адыев. – А ведь правда, там кто-то есть?.. – Он лежал навзничь посреди поляны и пристально смотрел в небо, будто хотел разглядеть этого «кого-то» немедленно. – Может, сейчас тоже смотрит на нас и мучается, есть мы или нет?..

Это начинались лесные разговоры: ночь, огонь – можно говорить, не боясь, что посмеются, покрутят пальцем у виска...

– Бог, что ли? – настороженно спросил Кукарека.

– Люди... Братья по разуму...

– Наверное, есть, – отозвался Саня.

– А как это – Вселенная бесконечна? – задумалась вдруг толстая девочка Мила и перестала жевать.

– Да очень просто! – решительно ответил Вовка Васильев. – Нет конца – и всё!

– Всё звезды, звезды?

– Ну.

– А за ними что?

– Тоже звезды, чего тут непонятного?

– Да ведь все равно они где-то кончаются, а там что будет?

– Они не кончаются, вот и все, поняла?

Мила мотала головой.

– А тебе не все равно? – скучно спросил Лешка.

– Нет, – испуганно ответила Мила. – Мне не все равно – мне страшно...

– Ну и дура! – пробормотал Лешка. – Нашла чего бояться.

– Чего бояться? – удивился Васильев. – Вот скоро уже совсем всё откроют – и мы узнаем, как тут все устроено!

– А я люблю из форточки ночью смотреть... – сказала Юля. – Ночью встанешь потихоньку, высунешься, а до самого горизонта окна светят... Так странно – люди кругом живут... Рядом, а никогда не узнаешь, какие они, как им там... А на звезды лучше долго не смотреть: им всё всё равно. И тебе всё всё равно делается, смотришь на них, смотришь и забываешь: где ты, кто ты, зачем ты...

– А из форточки дует, между прочим, – перебил сестру Кукарека. – И прямо на меня! Понятно теперь, почему я всегда простуженный!

– Хоть бы они прилетели!.. – вздохнул Адыев.

– Сан Сенич! А про «летающие тарелки» – это правда? – раздалось сразу несколько голосов.

– Да вранье! – закричал сердито Кукарека.

– Почему это – вранье?! – возмутились девочки.

– А вы их видали?

– А может, и видали! – заводным голосом сказал Вова Васильев.

– Интересно, где это ты видал?

– Где надо!

– А не видал, так и не говори!

Не приходилось сомневаться, что к представителям иных цивилизаций Кукарека относится крайне недоброжелательно.

– По его, не видел – так этого, значит, и нет! – заступился за пришельцев Адыев.

– А и хотя бы!

– А магнитное поле ты видел? Что ж, его тоже нет, по-твоему? – поинтересовался Боря, который снисходительно прислушивался к этому разговору, но не вмешивался.

– Магнитное поле – это ладно! – сердито сообщил Кукарека. – Оно наше, а не чужое какое-нибудь... А этим чего надо? Приперлись на своих «тарелках» и подглядывают? Кто их звал?

– Зато они войны не допустят! – вмешался Адыев.

– Ой, хорошо как! – обрадовалась Мила. – Кукарека, слышишь? А ты на них злишься!

– А по-моему, стыдно... – тихо сказала Юля. – Будто мы дети, а они поставлены глядеть, чтоб мы чего не натворили... Мудрые дяди с другой планеты!

– Так у них же цивилизация выше нашей! Вот они и хотят помочь!

– Больно надо! – завелся Кукарека. – Если б они как люди – прилетели, представились! А то засекретились!

– Темный ты! – закричал Васильев. – Не понимаешь. Да, им же сперва разобраться во всем надо!

– Пусть у себя разбираются!

– А они у себя уже разобрались!

– И мы разберемся! – уверенно сказал Кукарека.

– Детское время кончилось, – скомандовал Саня.

У костра остались только Юля и Боря, они были «взрослые», к ним это не относилось.

Боря был молчалив и сосредоточен на своем несчастье. Вчера он опять ездил по городу, искал ПТУ, где еще принимают желающих получить рабочую профессию. И нашел. Но Арсений Александрович решительно отказался выдать Боре документы: никаких ПТУ, надо кончать школу, а не дурака валять... Боря сообщил ему, что вообще-то любой труд почетен, что сейчас большая нехватка рабочих рук, но Арсений Александрович остался неумолим. А ведь все так хорошо складывалось: и кормили бы три раза в день, и одевали, и общежитие обещали

дать, несмотря на то что Боря не иногородний. А через два года стал бы Боря высококвалифицированным маляром-штукатуром...

Боря сидел, глядел в огонь и мечтал, как идет он по городу, в спецовке идет такой, синей, грубой, заляпанной краской (он видел таких людей на улицах), на ногах у него тяжелые грязные ботинки, а навстречу – отец... В своем любимом светлом костюме, с бабочкой, в руках цветы (с премьеры идет)... И вот они случайно встречаются на улице – главный режиссер театра и маляр-штукатур. Боря с сожалением смотрит на отца (взрослый, сильный, всего сам достигший, не сломленный жизненными испытаниями человек), а отец прячет глаза, отец приходит домой, отец курит сигарету за сигаретой, не спит, бродит по квартире... Ночью у Бори раздается звонок... Или нет, Боря ведь живет в общежитии, там нет телефонов, а, допустим, номер мобильного отец не знает... Ночью кто-то стучит в дверь. Боря открывает. Это отец. Он говорит глухим, растерянным голосом: «Я пришел сказать, что я все понял. Ты прав, я прожил жизнь напрасно...» А Боря ему отвечает: «Извини, но я ничем не могу тебе помочь, ты сам во всем виноват...»

– Да хватит тебе переживать... – вздохнул Саня.

– Александр Арсеньевич, ну как вы не понимаете? – сердито отозвался Боря. – Не могу же я жить на вашем иждивении.

– Перестань, – поморщился Саня. – Прокормим. – И подмигнул безутешному Боре. – Зато, когда станешь великим режиссером кино, мы же гордиться будем, а?

– Я считать все буду, а потом отдам...

– Тьфу! – Саня даже рассердился. – Счетовод!

– Да нет, Борька прав, – покачала головой Юля. – Неловко это как-то... Надо что-то придумать... Слушай, Борь, а ты на почту иди, телеграммы носить!

– А возьмут?

– Да бросьте вы, зачем это нужно! – не согласился Саня.

А из палатки вылез Кукарека в обнимку с рыжим котом Вовы Васильева (Вова расстался с ним только на время занятий в школе) и заявил:

– А чего? Конечно, иди, Боря! Ты же мужчина, а мужчина сам за себя отвечает!

– Живо в палатку, мужчина! – нахмурился Саня. – Завтра не поднять будет, да?

– А если мне надо?

– Коту тоже надо?

– А там темно. Я один боюсь! – И Кукарека, прижимая к груди рыжего, ушел в лес. – У нас Юлька каждое лето работает, – прокричал он из тьмы, – потому что маминой зарплаты не хватает, а на мне к тому же и горит все, как на огне. Что ж делать? Я, как в восьмой перейду, тоже буду летом работать. А Борька что – хуже?

– Вот именно, – подтвердил Боря.

– Ему даже полезно, раз он в кинорежиссеры собирается, – сказала Сане Юля. – Ему жизнь надо очень хорошо знать, а не только книжки читать...

– А книги разве не жизнь? – спросил Саня.

Юля взглянула на него темными своими строгими глазами, улыбнулась и сказала:

– Вы очень хороший... И добрый... Только вы еще совсем ребенок...

От этих слов обидно стало Сане и счастливо, и, чтоб Юля, Боря и Кукарека этого не заметили, он иронически улыбнулся и сообщил Юле, что она сама еще очень юная и глупая особа. А Юля ему ответила, что женщина внутренне взрослеет раньше мужчины, и поэтому внутренне она значительно старше...

– Ну да, – сказал остроумный Саня, – вы мне внутренне в бабушки годитесь, да?

А потом Боря уснул прямо у костра. Лес стоял тихо-тихо.

– Я вас помню, когда вы еще в школе учились... Вы с нами на концерт ходили. Зимой, в пятом классе... Тогда снег шел такой пушистый, мы его ртом ловили, пока Аристотеля на

остановке ждали. Мы на конечной договорились встретиться и ехать вместе, а он опаздывал. Мы уже хотели за ним бежать, а тут вы вместе пришли... Помните?

Саня помотал головой.

– Вы были без шапки, весь в снегу, а Аристотель сказал: «Это мой друг Саня, прошу любить и жаловать», а мы сразу стали вас разглядывать... Так интересно было!

– Почему это? – насторожился Саня.

– Ну, вы ведь были сын Арсения Александровича. Мы так близко в первый раз вас видели: вы на другом этаже учились. Я все пыталась себе представить, как вы приходите домой, а там – Сень Саныч... Думаю, как же вы с ним разговариваете – и не боитесь?.. Еще думала, «ты» или «вы» вы ему говорите?.. А на концерте вы сидели рядом с Машкой Матвеевой. Она тогда в вас сразу втрескалась, а мы дразнились...

– А эта Матвеева, видно, прозорливая девушка, – серьезно отозвался Саня. – Сразу поняла, какой прекрасный молодой человек сидит с ней рядом. Это такая черненькая, в очках, да? На втором ряду в прошлом году сидела?.. Очень славная девушка...

– А вы совсем не помните про концерт?

– Совсем... Ну, а дальше что было?

– В антракте вы побежали за мороженой, а мы...

И Саня все вспомнил!.. Это в филармонии было, зима, одиннадцатый класс. Он даже вспомнил, как залихватски подмигивал в зал старенький балалаечник... А в зале, в девятнадцатом ряду (и ряд помнил!), сидела Кондратьева из одиннадцатого «Г», и Саня все время хотелось оглянуться, поглядеть туда, но он не смел... Вот как это было. А потом они встретились в антракте.

«Как, и ты здесь?..» – неискренне удивился Саня (он и с Аристотелевыми пятиклассниками-то напросился только потому, что услышал случайно на перемене: Кондратьева сегодня идет в филармонию), и они встали в очередь за мороженым. Нужно было говорить что-то остроумное, непринужденное, а Саня смотрел в сторону и молчал как дурак... И все-все – и Кондратьева, и тетка, продающая мороженое, и вся длинная очередь, – наверно, понимали, что Саня влюблен в Кондратьеву по уши...

– Вы в нее были влюблены? – спросила проницательная и бестактная Юлия.

– В кого?

– Ну, в девочку, с которой вы стояли за мороженым...

А Саня ответил:

– Много будете знать – скоро состаритесь.

– Вы ее тогда спасали?

– А как же! – хмыкнул Саня. – Я всех девочек, в которых влюблен, обязательно спасаю...

– Нет, правда...

– Она не из нашего класса была... – Он вздохнул. – А я спасал девочек исключительно из своего класса, Юлия...

Саня не очень любил вспоминать этот случай... Глупый, нелепый случай, имевший место наутро после выпускного. Потом в газетной заметке Саня именовался не иначе как «герой», который, «рискуя жизнью, спас своих товарищей»...

Не любил же Саня об этом вспоминать по целому ряду причин. Во-первых, потому, что героическому Сане было сначала очень страшно, а потом – очень больно, вспоминать об этом не очень-то приятно. А во-вторых, потому, что если сказать кому, в чем заключался «героический поступок», так ведь это один смех... Даже в газете постарались обойтись возвышенной лексикой, конкретно ничего не называя. Потому что... ну как тут сказать?.. «Бросился под велосипед»?.. Это же просто обхохочешься!..

Было так: бродили до рассвета, не хотели расходиться. Да признаться, и боязно было расходиться; вот мы еще вместе, мы еще класс, но это уже в последний раз... Сегодня утром

они разойдутся навсегда. Где-то совсем рядом каждого караулит уже своя судьба, какая-то новая, неведомая жизнь... Школа кончилась. Долго они ждали этого, мечтая о свободе, но вот – сбылось, и теперь каждому было не по себе: а что там, впереди?..

Хохотали, пели, что-то кричали весело, бродя по пустынным светлеющим улицам, а тревожно было, потому и цеплялись друг за друга, не хотели расходиться. И когда Тюля сказал, что дома у родителей припрятана бутылка шампанского, все шумно обрадовались: появилась причина еще побыть вместе. Как же можно разойтись, не выпив Тюлино шампанское?! И пошли, гомоня, по улицам.

Тюля жил в узком крутом переулке, в деревянном одноэтажном доме. Кто-то вошел во двор, кто-то остался у ворот, и, пока Тюля на цыпочках крался к холодильнику, бывшие одноклассники развлекались как могли. В частности, выкачен был со двора старенький Тюлин велик «Орленок» без цепи и без педалей. В молодые лета Тюля ездил на нем в школу, а на переменах мальчишки лихо гоняли по школьному двору... Теперь-то уж не погоняешь: колени в руль упрутся.

Ветерана приветствовали радостными криками. Костик Зубов посадил на раму Оленьку Клевако, сел сам и, неуклюже загребая длинными ногами, выкатил на дорогу. Велик облепили со всех сторон, и Костю с Оленькой покатили с жизнерадостными воплями по улочке вверх, а там развернули и толкнули под горку. Костя и Оленька, хохоча, летели вниз, за ними, тоже хохоча, бежало полкласса, еще полкласса с интересом наблюдало, стоя у Тюлиных ворот, а внизу, из переулка, выезжала поливальная машина... И все еще хохотали и кричали что-то, но произошло уже некое общее замирание, некое тягостное замедление, как во сне или в кино, когда бегущего героя сейчас убьют выстрелом в спину и режиссер дает зрителю возможность наглядеться и проститься... Замерли те, что бежали за велосипедом, замерли те, что стояли и наблюдали, замер в воротах своего дома Тюля с поднятой над головой бутылкой шампанского, и только медленно-медленно катили друг другу навстречу старенький велик без педалей и поливальная машина.

Саня видел все это очень отчетливо, ярко и, будто его толкнули, вдруг стал продираться сквозь пространство, ставшее плотным и тягучим. Он продирался не прямо к накатывающему велосипеду, а к некоей точке перед ним, потому что ясно осознавал, что он, Саня, слишком легок: не удержать ему разогнанный велосипед с двумя седоками и, значит, надо оказаться чуть впереди, чтобы столкнуться и так погасить скорость.

...Какой-то бес напал вдруг на Саню: дурачась, он описал Юле свое «попадание под велосипед», и можно было понять по его рассказу, что все это было очень смешно и занимательно...

– Ощущаете, Юля, трепет? – спрашивал. – Чувствуете, какой человек рядом с вами сидит? Всем героям герой!..

А Юля сидела у костра, молчала, не улыбалась и глядела так, будто знала, как все было на самом деле: как сгрудились над Саней испуганные одноклассники, как хлопали его по щекам, пытаясь привести в себя, как поливали Тюлиным шампанским, а потом тащили на руках в больницу, так и не поняв, живой он еще или уже нет...

– Очень больно было?.. – спросила она. – Глупый, а если б насмерть?.. – И, как маленького, погладила учителя географии по голове.

...Во вторник утром пришла телеграмма:

«Родили сына ваську будем вторник ждем крестины михо.

Солнечно, тихо было в квартире: Арсений Александрович уже ушел руководить вверенной ему школой, Елена Николаевна – учить мальчиков и девочек прекрасному и могучему русскому языку, а у Сани во вторник уроков не было, и он валялся в постели и пытался понять: отчего это проснулся он нынче такой счастливый? Сон, что ли, хороший был? И вдруг припомнилась зеленая далеко внизу земля, ветер, бьющий в лицо... Несмотря на свой солидный возраст, учитель географии все еще летал во сне...

Тут как раз принесли телеграмму, и жить стало совсем радостно. Саня сразу стал звонить (ведь был именно вторник) счастливому отцу, бывшему доблестному студиозу, а ныне учителю географии Мишке Морчиладзе (а вернее, Михаилу Нодаровичу).

– Санечка! – закричала Мишкина мама. – Они еще не приехали. Мишка только что звонил: у них учитель заболел, а Мишка заменяет... Послезавтра придут...

Саня ясно представил себе друга Мишку – огромного, усатого, шалопаистого – и затосковал по былым вольным и безвозвратно ушедшим временам, по братьям-студентам...

– Васенька, говорят, вылитый Мишка! – сообщила с гордостью Мишкина мама. – Санечка, а ты-то как? Пропал совсем. Еще не женился?

– Нет еще.

– А собираешься?

– Собираюсь, – сказал Саня.

А Мишкина мама отнеслась к этому его несерьезному заявлению очень даже серьезно и заинтересованно, поздравила Саню и сказала, чтоб он непременно приходил с невестой, а Сане как-то неловко было уточнить после всего этого, что невесты у него, собственно, пока нет...

– Санечка, ты обзвони тех, кто в городе, – на прощание попросила Мишкина мама, – скажи, что не сегодня, а в четверг, а то я-то сейчас на работу убегу...

Саня обзвонил, но никого не застал. Что ж, это было естественно: в разных точках большого города братья по курсу рассказывали своим ученикам о том, как тут все на Земле устроено, – работали, преподавали географию...

И тогда, совершенно для себя неожиданно, Саня набрал еще один номер. Четыре года назад проклятый и якобы забытый.

– Лё? – знакомо спросили в трубке.

– Лё, – отозвался Саня. – Ты меня узнаёшь?

– Ой! – сказали там и засмеялись. – Санечка... Как же можно тебя не узнать!.. А ты что, меня уже простил?

Ах, какой сумасшедший роман был у Сани когда-то. На первом курсе. Девочку звали Света. Саня ходил за ней по пятам и молчал. Целый год. Весной Света не выдержала и спросила:

«Ты чего за мной ходишь? Влюбился, что ли?»

«Ну... – признался Саня. Вздыхнул и добавил: – Выходи за меня замуж...»

«Я подумаю», – кивнула Света и засмеялась.

«Долго?» – спросил Саня – он был настроен решительно.

«Ну, Санечка, сейчас же сессия, некогда... А потом я в стройотряд еду. А ты?»

Саня помотал головой.

«Ну, вот видишь, – сказала Света и снова засмеялась. – Судьба против нашей любви...»

«Значит, до осени? – упрямо спросил Саня. – Думай пока».

«Буду!» – пообещала Света и убежала.

А летом вышла замуж за студента-медика (стройотряд медицинского института работал в соседней деревне). Все последующие годы студенческой жизни Саня с ней не разговаривал и даже не глядел в ее сторону. Он думал: она еще раскается! Разве может кто-нибудь любить ее так, как он, Саня? И разве это справедливо?! Нет, конечно же все еще станет на свои места, и она поймет... Она придет к нему, а он ни единым словом не напомним, а просто скажет все то же: «Я люблю тебя и ждал...»

– Я думала, ты будешь дуться всю жизнь, – сказала Света. – Ты ведь такой дурак был...

– Спасибо тебе на добром слове! – засмеялся Саня. – Ты, без сомнения, права, но не забывай – ведь ты разбила мое глупое сердце!

И они снова захохотали. Было совершенно очевидно, что Света и не думает раскаиваться, а Саня и правда был «такой дурак»!.. Мальчик, выдумавший себе вечную любовь и обиженный на то, что глупую эту выдумку не поддержали...

– Санька, а ты изменился... – с интересом сообщила Света. – У тебя голос такой стал...

– Какой?

– Ну, такой... Что вот говоришь с тобой по телефону и думаешь: и почему я уже замужем?.. Ты вырос, что ли?

– Никак нет! – доложил Саня. – Я все то же прелестное дитя...

– Точно – вырос! – сказала Света. – Надо на тебя посмотреть!

– К Мишке пойдешь? – вспомнил Саня. – У него сын родился.

– Знаю, телеграмму прислал. Срочную. Ведь всю зарплату наверняка на телеграммы ухлопал, балбес!

– Сын все-таки! – солидно отозвался Саня. – Такое раз в жизни бывает.

– Почему это только раз? У меня уже два!

– Ну, ты даешь... – И Сане, непонятно отчего, стало обидно: у всех, у всех уже были дети, даже у несерьезного Мишки!.. А у Сани не было...

– Следующего назови Александром... – вздохнул он. – В память обо мне, загубленном тобой во цвете юности.

– Своих пора иметь, – наставительно произнесла Света.

А обиженный Саня отозвался:

– Не волнуйся. Будут.

– Ага... – поняливо сказала Света. – Жениться собрался?

И тут давешний феномен повторился... То есть Саня, с детства твердо знавший, что врать – некрасиво, вдруг принялся врать... Он подтвердил, что – да, скоро женится, что невеста его юна и прекрасна...

– Умная? – спросила Света.

– И красивая!

– Так не бывает! – не поверила мудрая Света.

– Бывает!

– Так... – озаботилась она. – То, что ты влюблен дальше некуда, это ясно. Ну, а она-то тебя любит?

– А ты как думала! – ответил завравшийся Саня.

– С ума сойти!.. А как зовут это чудо? – спросила Света.

И Саня сообщил, что это чудо зовут Юлькой...

Наврава с три короба, учитель географии некоторое время стоял у телефона и размышлял, зачем он это сделал. Так ни до чего и не додумавшись, он вдруг почувствовал, что ему просто необходимо Юле позвонить и узнать, не помирился ли уже одиннадцатый «А» со своим наставником. Шестой урок кончался через три минуты. Но Юлин мобильный не отвечал. А добираться до дома ей было минут двадцать, прикинул Саня. Ну, может, в магазин еще зайдет... В общем, через полчаса можно звонить... Полчаса прослonyaвшись по квартире, потому что ни о чем другом думать он не мог, Саня набрал номер.

– Юлю можно? – сказал он, отчего-то даже забыв поздороваться.

– А она к тебе пошла, Юра... – ответили в трубке.

– Это не Юра... – уныло доложил Саня. – Это Александр Арсеньевич... Здравствуйте, Серафима Константиновна...

– Ох, простите, не узнала! – засмеялась мама Юли и Жени Петуховых. – Вы ведь всегда Женьку спрашиваете. А Юльку Шамин постоянно вызывает, вот и перепутала. Нет Юли, она

к Шамину пошла, занимаются они вместе. Раньше всё он к нам ходил, а теперь вот она к нему – недели уже две – ходит...

– Спасибо, – вежливо сказал Саня. – Извините за беспокойство.

– Да что вы, это вам спасибо, что возитесь с ними, Александр Арсеньевич... – Голос у мамы стал напряженным, растянутым, будто она решалась сказать нечто, но была не уверена в том, можно ли говорить. – Вы бы... поговорили с Юлькой...

– А что случилось? – испугался Саня.

– Пока ничего... – значительно произнесла мама. – Но ведь – выпускной класс... А она такая безалаберная стала... Уроки совершенно не учит, придет домой, сядет, будто учебник читает, а сама смотрит мимо и улыбается... И зачем она с Юркой занимается! Он, видите ли, попросил. Учиться надо было, а не собак гонять. И она тоже дурочка безотказная... Да мало ли кто что просит, что, всем и помогать? И почему она к нему ходит? Чем им тут не занятия?! И чем они там занимаются? «У него, – говорит, – днем дома никого нет, и никто нам не мешает...» А здесь им кто мешал?!

Александр Арсеньевич сказал мрачно:

– Мне не нравится то, что вы говорите о своей дочери.

– А мне нравится? – жалобно спросила Юлькина мама. – Он же этот... ну, забыла слово, не наше...

– Скинхед, – машинально сказал Саня.

– Ну да. А в общем, хулиган! Кто его знает, что у него на уме? А она влюблена в него, я же вижу! Лола Игнатьевна про эту любовь в старших классах нам таких страстей порассказала на родительском собрании!.. Боюсь я, Александр Арсеньевич, ну вот что мне делать?..

Но этого Александр Арсеньевич не знал...

Хлопнула входная дверь – это вернулся из школы Боря.

Он пообедал в одиночестве (Александр Арсеньевич обедать не пожелал) и ушел на работу – носить телеграммы. Александр Арсеньевич лежал у себя в комнате и смотрел в потолок. За окном была осень – тоскливое, гадкое время года, когда и жить-то не хочется... Александру Арсеньевичу, во всяком случае, не хотелось...

Наступил вечер, вернулись из школы родители. Сначала Елена Николаевна, потом Арсений Александрович. Они ходили по квартире на цыпочках, потому что сын лежал и делал вид, что спит... Вернулся с работы и Боря, а Александр Арсеньевич все «спал».

«Завтра начну новую, правильную жизнь, – думал он. – Это даже к лучшему. Давным-давно надо было прекратить это недопустимое безобразие...»

Александр Арсеньевич был зол и несчастен. Его и раньше мучило его неправильное отношение к Петуховой Юле из одиннадцатого «А». Он ведь понимал, что это неуместно, предосудительно. Ведь если все учителя примутся влюбляться в учениц (а он отдавал себе отчет в том, что он именно влюблен, и никак иначе это чувство определить нельзя), то это что же будет?! Недопустимое безобразие – вот что будет. И это тоже иными словами не назовешь!

Безобразие, которое, уткнувшись лицом в подушку, Александр Арсеньевич считал нужным прекратить, началось прошлой осенью. Теперь трудно проследить, как и в какой из дней оно началось. Саня и сам не раз пытался отыскать его – тот роковой первый миг, который можно назвать началом недопустимого безобразия. Так уж устроена жизнь – не уследишь за душой: неуловимое, незамеченное, пронеслось мгновение, ты и не знаешь о напасти, а что-то в тебе уже потихоньку стронулось – тайком, на цыпочках, с легкостью солнечного зайца... А когда узнаешь – уже поздно, поздно...

В общем, ходил Александр Арсеньевич в школу, преподавал, как положено, свою географию – в пятых, sixth и седьмых классах с удовольствием, а в навязанном ему десятом «А» – без. Потому что у десятиклассников география была экономическая, а экономическую

географию Саня, скажем прямо, недолюбливал. Да и атмосфера в десятом «А» томила Саню: его ведь помнили тут еще учеником (других, может быть, и не запомнили бы, а он был сын директора, то есть не простой ученик, а как бы «приближенный к особе императора») и выглядел он несолидно – поди отличи его от ученика в толпе старшеклассников... Поэтому десятый «А» отнесся к новому учителю с нездоровым интересом и вел себя каверзно. Осложняло учительскую деятельность Александра Арсеньевича и то, что девочки сразу принялись в него влюбляться.

«Ох уж эти мне старшие классы! – неодобрительным басом говаривала Лола Игнатьевна. – Одна любовь на уме!» Лола Игнатьевна с этим явлением решительно боролась, но безрезультатно: любовь бушевала! Любили физкультурника Дмитрия Ивановича, любили угрюмого, молчаливого химика, любили обоих физиков. Чего уж говорить о такой ослепительной личности, как Аристотель, холостяцкий образ жизни которого порождал великое множество легенд о роковой верности историка некоей женщине, красоты нездешней, умершей у него на руках разумеется, и разумеется – от чахотки...

Только грозный и ужасный директор школы, величественный и холодный, как айсберг, любви не подвергался. Зато Александр Арсеньевич в прошлом году был самым любимым... В сущности, всеобщая склонность старшеклассников к влюбленности в учителей естественна, но как, скажите, вести себя, получив на уроке записку: «Я все время думаю о вас, вы мне снились, и я полюбила географию. В „Урале“ идет фильм про Бангладеш. Жду в 7.40, если не придете, брошу школу»? А как мрачно ухмылялись юноши десятого «А», заметив на лице учителя некоторую растерянность... С Александром Арсеньевичем кокетничали, его провожали домой, прячась за углами, на него дулись и время от времени, впад в отчаяние от безответности, демонстративно не учили географию...

И вот в этих невыносимо тяжелых условиях Александр Арсеньевич вдруг почувствовал в себе горячий интерес к преподаванию именно экономической географии... Наука эта современная, и, готовясь к урокам, пришлось Сане заняться чтением газет. Много, ох много пришлось вдруг узнать Сане. С детства прокладывая свои маршруты через океаны и материки, он привык чувствовать себя хозяином земных пространств. Что читал он раньше? Описания путешествий, дневники морских капитанов, отчеты давних экспедиций... Газеты? Нет, газеты он не читал. К чему отважному путешественнику газеты? Там, в придуманных прекрасных путешествиях, газеты к нему не доходили. Вот и вышло, что ничего он не знал, оказывается, о сегодняшних делах и тревогах своей Земли...

Где-то там, в лазоревой дали, где Миклухо-Маклай подружился с папуасами, – там сейчас военная база! Проснись, Саня, на Огненной Земле – концлагерь... Остров Гаити, прекрасный, зеленый, наивные аборигены выходят на берег... А про тонтон-макутов слышал ты? А что такое геноцид, знаешь?... Саня не знал. Он читал газеты в тоске и отчаянии. «Что же делать?» – думал он, потому что всё, что узнал он, имело самое непосредственное отношение к географии. И вместе с ним мучительно решал, что делать, десятый «А», изучающий истово Санину науку...

Куда там Шамину было сорвать урок! Кто помнил, что это урок всего лишь? Ни ученики этого не помнили, ни сам Саня. Разве что Лола Игнатьевна, которая сказала, что Александр Арсеньевич нашел очень интересную форму урока: дети в игре знакомятся с политической обстановкой в мире... А уж какая тут игра, уважаемая Лола Игнатьевна!

Ну вот... А за первой партой первого ряда сидела ученица Петухова Юлия, смотрела темными своими строгими глазами и все понимала... Вот как оно началось, недопустимое безобразие...

Елена Николаевна тихо вошла в комнату, присела рядом.

– Санечка, что случилось?..

Сын продолжал «спать».

– Саня, не пугай меня...

– Ничего не случилось, – сказал он. – Устал просто.

– Неправда, я же вижу.

В коридоре зазвонил телефон, вслед за этим явился Боря, жующий бутерброд, и сообщил с набитым ртом:

– Уам Уля анит...

– Меня нет дома! – решительно отвечал Саня.

Борино лицо выразило недоумение. Так, с недоумением на лице, он поспешно прожевал и сказал:

– Так я, видите ли, уже ответил, что сейчас позову...

– Ну скажи, что я только что ушел...

– Это что за новости? – возмутилась Елена Николаевна. – Немедленно подойди к телефону! Что бы с тобой ни происходило, на детях это отражаться не должно!

– Слушаюсь и повинуюсь! – надерзил Александр Арсеньевич матери и отправился говорить с «детьми».

– Слушаю вас, – произнес он надменно.

Юля, как всегда, сначала помолчала.

– Ну смелее, смелее. Я весь внимание.

– А почему у вас голос такой?.. – испуганно спросила Юля. – Случилось что-нибудь?

– Не случилось абсолютно ничего, – деревянно отвечал Александр Арсеньевич. – А кроме того, вас это все равно не касается.

– Мне мама сказала, что вы мне звонили...

– Я звонил не вам, – холодно сказал Александр Арсеньевич. – Я звонил вашему брату. Я всегда звоню вашему брату, вы разве не знаете? А вам звонят другие люди... С которыми меня не следует путать!

Юля снова долго молчала, а потом спросила неуверенно:

– Вы на меня за что-нибудь сердитесь?..

– Бог с вами, Юля, – отозвался Александр Арсеньевич ледяным голосом, показывая всю неуместность такого предположения. – За что я могу на вас сердиться? Я вообще не имею привычки сердиться на посторонних. Всего доброго.

...Ну вот. Теперь можно было идти и спать спокойно: недопустимое безобразие было прекращено решительно и бесповоротно.

Утром он для начала повздорил с Бедной Лизой.

И так жизнь была тошна и беспросветна, а тут еще молодая литераторша, вбежав в учительскую, принялась жаловаться:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.